

На правах рукописи



Коган Антон Ильич

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА КАШМИРИ В
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена в Отделе языков народов Азии и Африки Федерального государственного бюджетного учреждения наук Института востоковедения Российской Академии Наук (Москва).

Официальные
оппоненты:

Владимир Антонович Дыбо

доктор филологических наук, академик РАН,
главный научный сотрудник Института
славяноведения РАН

Антон Владимирович Циммерлинг

доктор филологических наук, директор
Института современных лингвистических
исследований при Филологическом факультете
МГГУ им. М.А. Шолохова, ведущий научный
сотрудник Института языкознания РАН

Владимир Борисович Иванов

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой иранской филологии
Института стран Азии и Африки при МГУ им.
М.В. Ломоносова

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт лингвистических
исследований РАН

Защита состоится “19” декабря 2019 года в 12.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 по присуждению ученой степени доктора наук при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, Москва, Б.Кисловский пер., д.1, стр.1

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН по адресу: 125009, Москва, Б.Кисловский пер., д.1, стр.1

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

д.ф.н.

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации делается попытка исторической и сравнительно-исторической интерпретации ряда фактов языка кашмири.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что, будучи достаточно глубоко изученным синхронно, язык кашмири крайне неудовлетворительно исследован исторически и занимает весьма скромное место в компаративных штудиях. Настоящая работа мыслится как шаг к изменению подобного положения вещей. Сохранение большого числа нерешенных вопросов кашмирской диахронии имеет целый ряд причин, наиболее важной из которых, пожалуй, является трудность установления регулярных фонетических соответствий между кашмири и другими дардскими языками, обусловленная далеко зашедшими фонологическими изменениями. Многочисленные фонетические переходы нередко делают звукосоответствия нетривиальными, а процедуру их выявления – трудоемкой. Незнание обширного кашмирского материала с позиций лингвистической компаративистики серьезно тормозит дардские сравнительно-исторические исследования, главной проблемой которых всегда был недостаток данных. Активное привлечение для подобных исследований фактов языка кашмири смогло бы пролить свет на ряд сохраняющихся по сей день «темных» вопросов сравнительной грамматики и классификации дардских языков.

Характеризуя **степень изученности** кашмирского материала в диахроническом аспекте, необходимо отметить, что исследование данного круга проблем лишь сделало первые шаги. Причины подобного положения вещей, по-видимому, следует искать в истории кашмироведческих исследований. Пионер в этой области – британский ученый Джордж Абрахам Грирсон – впервые высказал гипотезу о наличии дардской ветви

индоиранских языков и принадлежности к этой ветви кашмирского языка. В некоторых своих работах он, однако, говорит о последнем как о «полуиндийском» языке, имея в виду наличие в кашмирской лексике мощного пласта индоарийских элементов. И хотя сам Дж.Гривсон считал появление этого пласта результатом языковых контактов, у некоторых исследователей появилось интуитивное представление о кашмири как о языке «смешанном», а потому требующем отдельного от остальной дардской группы изучения. После кончины Дж.Гривсона очень большая часть исследований по кашмири проводилась лингвистами-индологами, мало знакомыми с материалом других дардских языков. Предпринятые в отдельных индологических работах попытки исторической интерпретации кашмирских данных без привлечения фактов близкородственных языков нельзя назвать удачными.

В последние десятилетия интерес к сравнительно-исторической проблематике среди индологов резко упал, и диахронические исследования кашмири вступили в период стагнации. Количество работ по данному кругу проблем в настоящее время невелико, авторы их, как правило, не являются профессиональными компаративистами и, к сожалению, отличаются низкой компетентностью в вопросах сравнительно-исторического языкознания. Подобную ситуацию, разумеется, никак нельзя считать удовлетворительной, и необходимость в детальном и квалифицированном компаративистском исследовании кашмирского материала уже давно назрела.

Предметом настоящего диссертационного исследования является процесс формирования современной кашмирской языковой системы, прежде всего, трех ее уровней: фонологического, морфологического и лексического. Представляется несомненным, что изучить данный процесс во всей его сложности и многообразии – задача не осуществимая в рамках одной работы.

Поэтому мы считаем необходимым избрать в качестве **целей** исследования выявление и объяснение отдельных историко-лингвистических фактов: развития в кашмири ряда общеарийских и общедардских фонем и морфем, а также условий и этапов возникновения определенных этимологических пластов кашмирской лексики. Для изучения нами выбраны, прежде всего, те явления, которые наиболее важны для дальнейших сравнительно-исторических изысканий. К числу таких явлений относится, в частности, возникновение кашмирских гласных среднего ряда, палатализованных согласных, некоторые процессы, затронувшие более старую систему аффрикат и сибиллянтов. Сохраняющаяся неизученность этих процессов является существенным препятствием как для исследования исторической фонетики кашмири, так и для установления регулярных звукосоответствий между последним и другими языками дардской группы. К числу наиболее важных проблем мы относим также те, исследование которых имеет выход в другие области знания. Так, объяснение наличия большого количества лексических изоглосс, объединяющих кашмири с индоарийскими языками позволяет узнать много нового об имевших место в Кашмире языковых контактах и тем самым пролить свет на целый ряд темных мест в этнической истории региона.

Прояснение перечисленных вопросов предполагает решение целого ряда конкретных **задач**, относящихся к нескольким смежным областям сравнительно-исторического языкознания. Изучение исторической фонетики, грамматики или лексики идиома, лишенного продолжительной письменной традиции, едва ли возможно без привлечения материала близкородственных языков. Однако поскольку внутреннее членение дардской языковой общности и даже ее точные границы все еще неясны, вопрос о том, какие именно языки являются для кашмири наиболее близкими, пока не нашел

однозначного ответа. Поэтому в число задач настоящего исследования помимо установления более ранних прототипов ряда кашмирских фонем, морфем и лексем входит уточнение набора и построение генетической классификации дардских языков.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые делается попытка систематического сравнительно-исторического изучения кашмирского материала с максимальным учетом достижений современной лингвистической компаративистики. В прошлом такого рода попытки не опирались на строгую методологию и были во многом интуитивными. Сделанные в настоящей работе выводы не только уточняют общую картину развития кашмирской языковой системы, но и в ряде случаев заставляют в корне пересмотреть широко распространенные среди ученых представления. Некоторые полученные нами результаты можно с полным основанием считать ответами (разумеется, открытыми для критики) на вопросы, стоящие не одно десятилетие. В частности, выявлен пучок историко-фонетических изоглосс, объединяющих восточnodардские языки, что не удавалось сделать никому из исследователей прошлого.

Наибольшей **теоретической значимостью** полученные в диссертации результаты обладают для исследователей-лингвистов, занимающихся сравнительно-историческим изучением языков дардской группы. Последняя глава работы фактически представляет собой фрагмент сравнительной грамматики дардских языков с акцентом на фонологию и лексические изоглоссы. Поскольку язык кашмири, относясь к дардской группе, входит вместе с ней в индоиранскую ветвь индоевропейской языковой семьи, сравнительно-историческая интерпретация кашмирского материала может предоставить ценные данные для индоарийских и иранских компаративных штудий, а также для индоевропеистики в целом. Изучение

кашмирско-индийских языковых контактов привело нас к выводу о вероятном существовании в регионе не сохранившегося ныне индоарийского языка, отдельные элементы которого присутствуют в виде заимствований в кашмири. Детальный анализ этих элементов, вне всякого сомнения, представляет немалый интерес для индологии. Кроме того, исследование данной проблемы дает возможность установить неизвестные ранее факты этнической истории Кашмира и может таким образом стать стимулом для междисциплинарных исследований с участием историков и этнологов.

Практическая значимость диссертации состоит, прежде всего, в том, что сделанные в ней выводы могут быть использованы при создании учебных курсов по сравнительной индологии, иранистике и индоевропеистике. Весьма желателен их учет в будущем при разработке курса сравнительной грамматики дардских языков.

Основным **методом**, используемым в диссертации, является классический сравнительно-исторический метод, включающий внешнее сравнение и внутреннюю реконструкцию. При исследовании индоарийского влияния на язык кашмири привлекается также типологический метод, поскольку контакты с индоарийскими языками, как выяснилось, привели к изменению некоторых типологических характеристик кашмирской языковой системы. В главе 5, где рассматривается проблема внутреннего членения дардской языковой общности, мы обращаемся к методу лексикостатистики. Отдельно обсуждается вопрос о принципиальной возможности и эффективности изучения кашмирского материала филологическим методом. Этой проблеме целиком посвящена глава 1.

Апробация положений работы. По теме диссертации были прочитаны доклады на следующих научных конференциях и семинарах: «Востоковедные чтения 2008» (Москва, Институт востоковедения РАН,

октябрь 2008 г.), «The Tenth International Conference on South Asian Languages and Literatures (ICOSAL-10)» (Москва, ИСАА при МГУ, РГГУ, июль 2012 г.), «Проблемы общей и востоковедной лингвистики» (Москва, Институт востоковедения РАН, январь 2012 г., май 2014 гг.), а также на ежегодной конференции «Актуальные вопросы сравнительно-исторического языкознания и дальнее родство языков (Старостинские чтения)» (Москва, РГГУ, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014, 2018 гг.). Основная часть результатов, полученных в ходе исследования, отражена в монографии «А.И. Коган. Проблемы сравнительно-исторического изучения языка кашмири. М.: ЯСК, 2016», текст которой, однако, не идентичен тексту диссертации. Последний в сравнении с монографией был значительно изменен и расширен с учетом новых материалов, ставших доступными автору. Основное содержание работы отражено также в 34 статьях в журналах и сборниках, в том числе, в 15 публикациях в изданиях «Перечня ведущих периодических изданий ВАК».

Положения, выносимые на защиту:

1. Язык двух созданных в Кашмире письменных памятников, иногда рассматривавшийся как ранняя форма кашмирского языка, в действительности, не может считаться таковой и представляет собой искусственный индоарийский литературный идиом, полученный из санскрита путем пересчета. При этом, однако, он содержит отдельные дардские морфологические и лексические элементы, заимствованные, вероятно, из языка – предка современного кашмири.

2. Большая часть звуковых изменений, ставших причиной важных фонологических отличий кашмири от других дардских языков, имела место в относительно позднюю эпоху. Предшествующее этим изменениям состояние кашмирской фонологии может быть восстановлено при помощи стандартной

компаративистской процедуры, включающей внутреннюю реконструкцию и внешнее сравнение. Это реконструированное состояние не обнаруживает существенных отличий от фонологических систем большинства языков дардской группы.

3. Индоарийское влияние на язык кашмири имело место в новоиндийскую эпоху и носило не только адстратный и суперстратный, но и субстратный характер. Есть основания полагать, что в прошлом в Кашмирской долине имел место языковой сдвиг. Язык, послуживший субстратом для кашмири, возможно, генетически близок к индоарийским языкам подгруппы пахари.

4. Требуют уточнения некоторые традиционные представления о кашмирских диалектах, бытующих за пределами Кашмира. К числу таковых невозможно отнести *сираджи* и *рамбани*, являющиеся, как выяснилось индоарийскими идиомами. Диалекты же *каштавари* и *погули*, несомненно, следует считать кашмирскими. Вопреки распространенному мнению, фонология этих диалектов не обнаруживает архаичных черт в сравнении с таковой в стандартном кашмири.

5. Гипотеза о существовании восточnodардской подгруппы дардской группы включающей кашмири, шина и кохистанские языки, находит свое подтверждение. В ее пользу свидетельствуют как данные исторической фонетики, так и результаты лексикостатистических подсчетов.

Диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения, списка сокращений, библиографии и двух приложений, включающих стословные списки, а также карты ареалов распространения кашмири и близкородственных языков. Общий объем диссертации составляет 285 страниц.

В структуре работы нашли отражение разнообразие и тесная взаимосвязь задач, стоящих перед исследователем-компаративистом при изучении кашмирского материала. Набор и порядок глав были задуманы таким образом, чтобы каждая глава являлась своеобразным фундаментом для последующих, т.е. касалась вопросов, решение которых необходимо для разрешения проблем, рассматриваемых в дальнейшем тексте. Так, проблема классификации дардских языков и места в ней кашмири, обсуждаемая в главе 5, может изучаться только при наличии установленной системы регулярных звукосоответствий между кашмири и другими языками дардской группы. Выявление же этой системы, как указывалось выше, не представляется возможным без ликвидации ряда неясностей в кашмирской исторической фонетике. Этому вопросу посвящена глава 2. Установление фонетических соответствий в исконной лексике осуществимо только при наличии критериев ее отделения от заимствований из близкородственных языков. Попытка разработать такие критерии для кашмири делается в главе 3, где мы неоднократно обращаемся к историко-фонетическим явлениям, установленным в предыдущей главе. Необходимым условием построения генетической классификации является определение границ исследуемой языковой общности. Для дардской группы эта проблема до сих пор остается нерешенной, и мы касаемся ее в главе 4. Наконец, никакое сравнительно-историческое исследование не может быть начато до тех пор, пока не будут определены методы, оптимальные для изучения наличного языкового материала. Язык кашмири обладает письменной традицией, и это позволяет поставить вопрос о возможности обращения к филологическому методу, т.е. изучения истории языка по письменным памятникам. До сих пор остается неясным, насколько результативным может быть применение

данного метода к кашмирскому материалу. Для прояснения этого вопроса нами было проведено специальное исследование, помещенное в главе 1.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении приводятся общие сведения о языке кашмири, определяются предмет, цели и задачи исследования, обсуждается степень изученности кашмири в диахроническом аспекте, обосновывается актуальность выбранной темы и ее научная новизна, перечисляются использованные при работе методы, описывается структура диссертации, указывается ее теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В главе 1 обсуждается возможность и целесообразность диахронического изучения кашмирского языкового материала филологическим методом. Данный вопрос представляется весьма актуальным, поскольку кашмири является единственным дардским языком, обладающим письменной традицией и литературой. История кашмири достаточно надежно прослеживается по письменным памятникам на протяжении максимум трех последних веков. Нельзя исключить и существование более ранних текстов, в том числе, возможно, относящихся к XIV – XVI вв., однако эти тексты бытовали исключительно в устной форме и были записаны гораздо позднее на языке, слабо отличающемся от современного.

Образцом наиболее раннего дошедшего до нас состояния кашмирской языковой системы иногда считают встречающуюся в санскритоязычной хронике XII в. *Rājataranginī* фразу “*Rangassa Helu diṇṇa* (‘Ранге отдана (деревня) Хелу’)”. Предложенная автором английского перевода хроники А.Стейном интерпретация этой фразы как кашмирской вызывает сомнения.

Вопреки мнению Стейна, представляется необоснованным сопоставление последнего слова (*dinṇa*) с современной кашмирской формой инфинитива глагола ‘давать’ (*d'un*). Последняя обладает вполне прозрачной морфологической структурой и включает два морфа: корень *di-* и инфинитивный показатель *-un*. Последний, аналогично инфинитивным показателям многих других языков ареала восходит к общеарийскому показателю имени действия **-ana-*. Его современный вид (*-un*) регулярным образом отражает более старый прототип **-anu*. Современный инфинитив *d'un* ‘давать’ возник, таким образом, из более раннего **dyanu* (**di-anu*), и праформа **dinṇa* для него едва ли возможна.

Кроме того, в одной из рукописей *Rājatarangiṇī* имеется глосса на санскрите, в которой слову *dinṇa* соответствует санскритское причастие прошедшего времени *datta-*, что дает основания предположить для этого слова аналогичную функцию. Известно, что в арийских языках разных эпох причастие прошедшего времени используется для выражения перфектных и результативных значений, а именно такое значение следует ожидать в рассматриваемой фразе в той конкретной ситуации, в которой она была произнесена. Причастие от глагола ‘давать’, возводимое к прототипу **dinṇa*, в языке кашмири и других языках дардской группы не засвидетельствовано. Однако оно представлено в пракритах, пали и ряде новоиндийских языков, причем пракритская форма полностью идентична той, что зафиксирована в *Rājatarangiṇī*. Показатель датива *-assa* в форме *Rangassa* также обнаруживает точную пракритскую параллель. Таким образом, есть все основания считать, что язык фразы “*Rangassa Helu dinṇa*” вовсе не старый кашмири, а литературный пракрит.

По мнению некоторых исследователей, наиболее ранним из известных ныне кашмирских письменных памятников является

религиозно-философское сочинение *Mahānayaṣprakāśa*, а точнее – стихотворные вставки, содержащиеся в этом сочинении. Надежная датировка текста отсутствует, хотя на этот счет высказывались разные точки зрения. Наиболее обоснована из них гипотеза, предложенная Дж.Грирсоном, согласно которой памятник следует датировать концом XV в. Генетическая принадлежность языка несанскритских фрагментов стала предметом длительной полемики. Дж.Грирсон, первым начавший глубокое изучение этого языка, полагал, что в *Mahānayaṣprakāśa* отразилось архаичное состояние языка кашмири. Ему вторили многие индийские и западные исследователи. Известный французский индолог Ж.Блок, однако, утверждал, что язык несанскритских стихов *Mahānayaṣprakāśa* не есть кашмири в собственном смысле слова. Сам Дж.Грирсон указывал, что многие слова в тексте *Mahānayaṣprakāśa* выступают в стадии апабхранша. Язык памятника характеризуется им как переходная форма от апабхранша к современному кашмири, причем термин «апабхранша» употребляется для недифференцированного обозначения позднесреднеиндийских литературных языков. Необходимо отметить, что в настоящее время трактовка данного термина несколько отличается от преобладавшей во времена Дж.Грирсона. Большинство индологов склонны считать языки значительной части текстов среднеиндийского периода стилизованными, по существу искусственными идиомами, произведенными из санскрита согласно определенным правилам пересчета, описанным грамматистами. Подобные идиомы, разумеется, в принципе не могут иметь живых языков-потомков.

При этимологическом анализе лексики языка *Mahānayaṣprakāśa* обращает на себя внимание тот факт, что огромное большинство слов несанскритской части памятника может быть выведено из прототипов, засвидетельствованных в древнеиндийских текстах, причем, что

представляется особенно показательным, в текстах на позднем санскрите. Весьма многочисленны, например, отражения поздних санскритских композитов. Значительная их часть не имеет не только соответствий за пределами индоарийского, но и продолжений в позднем индоарийском, что позволяет считать их новообразованиями, чуждыми живому разговорному языку.

Главной сложностью, с которой сталкивается лингвист-диахронист при работе с рассматриваемым памятником, является невозможность установить систему регулярных звукосоответствий. Примеры ничем не мотивированной неоднозначности историко-фонетического развития встречаются в столь огромном количестве, что имеет смысл говорить не об исключениях, а скорее об отсутствии правил. Наблюдаются, например, такие необычные типы нерегулярности, как наличие разных соответствий одному и тому же древнеиндийскому слову или более, чем одного соответствия одной и той же древнеиндийской фонеме в одной и той же позиции внутри одного слова. Случаи наличия нескольких соответствий одной и той же древнеиндийской фонеме в одинаковой позиции в разных словах весьма многочисленны. Так, др.-инд. *t* в интервокальном положении обнаруживает в языке *Mahānayaṅprakāśa* 3 соответствия (*t*, *d*, и *θ*), др.-инд. *d* в той же позиции – 2 соответствия (*d* и *θ*), др.-инд. интервокальный *k* – также 2 соответствия (*k* и *y*), др.-инд. интервокальный *ś* – 3 соответствия (*ś*, *h* и *s*).

Необходимо отметить, что определенный разнобой в рефлексах древнеиндийских фонем наблюдается и в литературных апабхранша. Объясняется это тем, что авторы текстов не всегда четко выполняли рекомендации грамматистов, иногда следуя при пересчете с санскрита более ранним пракритским моделям или же моделям, характерных для апабхранша других регионов. Влияние пракритов на апабхранша было весьма

значительным на всех языковых уровнях, пракритизмы отмечаются даже среди словоизменительных морфем.

Ситуация в языке несанскритских фрагментов *Mahānayaṣṭakāśa* представляется нам во многом аналогичной таковой в литературных апабхранша. По всей видимости, автор «производил» этот язык из санскрита по нескольким разным моделям, возможно отражавшим фонетическое развитие различных эпох. Разные рефлексy одной и той же древнеиндийской фонемы нередко могут представлять разные ступени одного историко-фонетического процесса (например, сохранение интервокального *t* и его озвончение, сохранение интервокального *d* и его выпадение). Отличие от основных среднеиндийских литературных языков состоит в гораздо меньшей степени нормированности. Таким образом, гипотеза об искусственном характере рассматриваемого языка представляется нам наиболее вероятной. Скорее всего, мы имеем здесь дело с не вполне удачной попыткой создать еще один литературный апабхранша. Данный язык, будучи произведенным из санскрита искусственным конструктом, как уже говорилось, по определению не может являться предком для какого-либо живого языка, в том числе и для кашмири, принадлежащего к тому же к иной (дардской) ветви индоиранской языковой общности.

Тем не менее в ряде аспектов язык несанскритских стихов *Mahānayaṣṭakāśa* представляет интерес для исследователя дардской и, в частности, кашмирской диахронии. В нем отмечаются отдельные элементы, предположительно заимствованные из языка – предка современного кашмири. Подобная лексика выделяется, прежде всего, по историко-фонетическому критерию. В ней обнаруживаются, например, такой специфически кашмирский фонетический переход, как общеарийск. $*ai > a$, а также характерная для всех дардских языков дезаспирация древних звонких

придыхательных. Примечательно, однако, что подобным примерам противостоит значительно (в несколько раз) большее число примеров индоарийского историко-фонетического развития: отражения общеарийского краткого дифтонга **ai* в виде *ē* и сохранения древних звонких придыхательных в неизменном виде.

Среди историко-фонетических расхождений между языком несанскритской части *Mahānayaṣṭakāśa* и кашмири особого внимания заслуживает также развитие сибиллянтов и некоторых консонантных групп, содержащих *r*. Рефлексы древних сибиллянтов **ś* и **ṣ* в *Mahānayaṣṭakāśa* совпадают в виде *ś* при сохранении оппозиции в кашмири (**ś > h*, **ṣ > ṣ*). Группы **pr* и **bhr* в языке несанскритских стихов *Mahānayaṣṭakāśa* обычно отражаются как *p* и *bh* соответственно в то время как в кашмири конечный *r* в них сохраняется. Характерное для кашмири развитие церебральных из консонантных групп типа «*r* + зубной» не обнаруживается в *Mahānayaṣṭakāśa*, где нормальными являются переходы **rt*, **rth*, **rdh > tt*, *th*, *dh*. Данные историко-фонетические особенности хотя и не свидетельствуют однозначно против принадлежности языка *Mahānayaṣṭakāśa* к дардской группе, все же бесспорно указывают на то, что этот язык не может являться предком современного кашмири.

На основании вышесказанного можно заключить, что язык несанскритских фрагментов *Mahānayaṣṭakāśa* следует считать искусственным индоарийским литературным языком, содержащим небольшое количество дардских заимствований. Данное утверждение представляется верным и для еще одного памятника, язык которого некоторые исследователи рассматривали как раннюю форму кашмири – поэмы *Bāṇāsura-kathā* («Рассказ о демоне Бане»). Единственная рукопись памятника была обнаружена во 2-ой половине XIX в. известным немецким

санскритологом Георгом Бюлером. Текст содержит прямое указание на дату написания – 1446 г.

Как в синхронном, так и в диахроническом аспекте язык поэмы *Bāṇāsarakathā* обнаруживает несомненную близость к языку несанскритских фрагментов трактата *Mahānayaṣprakāśa*. Весьма примечательной общей чертой обоих текстов является очевидное преобладание в них индоарийской лексики. В *Bāṇāsarakathā* одна часть такой лексики не обнаруживает фонетических отличий от древнеиндийских прототипов и представляет собой вероятные заимствования из санскрита, другая же отражает более позднюю, чем древнеиндийская, ступень историко-фонетического развития. Показательно, что, как и в случае с *Mahānayaṣprakāśa*, в целом ряде слов, относящихся к этой группе, обнаруживаются фонологические инновации, характерные для индоарийской ветви. Среди таких инноваций следует выделить стяжение общеиндоиранского краткого дифтонга $*ai > \bar{e}$ и переход общеиндоиранской звонкой придыхательной аффрикаты $*jh > h$.

Обращает на себя внимание также наличие историко-фонетических процессов в консонантизме, широко распространенных в средне- и новоиндийских языках, но чуждых кашмири. В значительной своей части эти процессы идентичны таковым в языке несанскритских фрагментов *Mahānayaṣprakāśa*. К ним относится, в частности, утрата второго компонента в кластерах вида «согласный + *r*» (т.е. переходы $*tr > t$, $*dr > (d)d$, $*pr > p$, $*bhr > bh$) и совпадение соответствий др.-инд. \acute{s} и \grave{s} вследствие перехода $\grave{s} > (\acute{s})\acute{s}$ в предвокальной позиции. Как и в трактате *Mahānayaṣprakāśa*, в поэме имеются продолжения древнеиндийских композитов, характерных только для позднего санскрита и не обнаруживающих соответствий за пределами индоарийской группы.

Характерен для языка *Bāṇāsurakathā* и ничем не мотивированный разницей в звукосоответствиях, отмеченный в языке *Mahānayaṣṭakāśa*. Так, зубные смычные *t* и *d* в интервокальном положении могут либо сохраняться, либо переходить в *y*, *v* или *θ*, интервокальный *p* может сохраняться или переходить в *v*, древнеиндийский сибиллянт *ś* в начальном и интервокальном положении обнаруживает 3 соответствия (*ś*, *s* и *h*), старая интервокальная группа *ṣṭ* в части случаев отражается как *tṭh*, в части – сохраняется в неизменном виде. Весьма высокая степень историко-фонетической нерегулярности является, на наш взгляд, наглядным и неоспоримым свидетельством искусственного характера языка *Bāṇāsurakathā*. Он, несомненно, представляет собой стилизованный идиом, подобный литературным пракритам и апабхрانشа, однако не идентичен ни одному из них.

Интересной чертой рассматриваемого языка является наличие на разных уровнях языковой системы изоглосс, объединяющих его с новоиндийскими языками. В лексике число таких изоглосс больше, нежели в языке *Mahānayaṣṭakāśa*. С другой стороны, в тексте *Bāṇāsurakathā* обнаруживаются отдельные лексические и морфологические единицы со следами дардского историко-фонетического развития (в частности, совпадения звонкой и звонкой придыхательной серий) и/или с близкими этимологическими параллелями в языках дардской группы, прежде всего, в кашмири, а также усвоенные, возможно, через кашмирское посредство персидские и арабские элементы.

Глава 2 посвящена изучению некоторых явлений в исторической фонетике кашмири, а также установлению относительной датировки этих явлений. Конечной целью исследования является восстановление некоторых фрагментов фонологической системы более раннего состояния кашмирского

языка, что в свою очередь может существенно облегчить установление регулярных звукосоответствий между кашмири и другими дардскими языками. Рассматриваются такие историко-фонетические процессы, как регрессивная ассимиляция гласных, развитие умлаута и сопутствующие изменения в консонантизме (п. 2.1), передвижение аффрикат (п. 2.2), передвижение сибиллянтов (п. 2.4). Отдельно анализируется состав и этапы формирования раннекашмирской системы аффрикат (п. 2.3).

Регрессивная ассимиляция гласных и связанные с ней фонетические изменения привели к появлению в фонологической системе кашмири таких нехарактерных для большинства арийских языков черт, как фонологическая оппозиция долгого \bar{o} и краткого o или наличие на фонемном уровне гласных среднего ряда среднего подъема \bar{a} и a . Ассимилятивные процессы в кашмирском вокализме исследовались в прошлом в первую очередь в связи с учением о так называемых «гласных-матра», предложенным в XIX в. индийским грамматистом И.Каулем и развитым в последствии Дж. Грирсоном. «Гласные-матра» – условное название существовавших в кашмири в прошлом сверхкратких гласных, встречавшихся главным образом в конце слова. Ассимиляция гласного предшествующего слога вызывалась гласными «u-матра» и «i-матра». Данное историко-фонетическое явление иллюстрируется в таблице 1.

Таблица 1. Изменения кашмирских гласных под влиянием «гласных-матра»

Исторический гласный	Отражение в позиции перед согласным с «u-матра»	Отражение в позиции перед согласным с «i-матра»
а	о	э

ā	ō	ə̄
e	(C'o)	e
ē	(C')ū	ī
ō	ū	ū
i	(C')u	i
ī	(C')ū	ī

Некоторые сопоставления между кашмири с одной стороны и другими дардскими языками и древнеиндийским – с другой позволяют сделать вывод о том, что непосредственными источниками «u-матры» и «i-матры» были краткие гласные *u* и *i* соответственно. В позиции перед согласным «гласные-матра» проясняются в полнозвучные краткие гласные (ср., например, причастные по происхождению формы прошедшего времени глагола *karun* ‘делать’ с местоименными энклитиками и без них, согласуемые в числе и роде с объектом: *kor* ‘сделал (объект м.р. ед.ч.)’ – *koru-n* ‘он сделал’, *kər'* ‘сделал (объект м.р. мн.ч.)’ – *kəri-th* ‘ты сделал’). Впоследствии сверхкраткие гласные пали, причем если «u-матра» исчезла бесследно, то падение «i-матры» привело к палатализации предшествующего согласного и тем самым вызвало появление фонологической оппозиции палатализованных и непалатализованных. Результатом регрессивной ассимиляции, вызванной «гласными-матра», и последующей утраты последних стало развитие в кашмири умлаута.

Изменения гласных, идентичные тем, что вызывались «гласными-матра», имели место в кашмирских двусложных корнях, а также в

«застывших» (непродуктивных) суффиксальных образованиях. В подобных случаях обнаруживается ассимилятивное воздействие гласного второго слога на гласный первого. Полное тождество некоторых внутриморфемных фонетических переходов, вызванных регрессивной ассимиляцией гласных, и звуковых изменений, связанных с воздействием «гласных-матра», позволяет предположить, что те и другие были синхронны по времени и являлись двумя аспектами одного историко-фонетического процесса. Гласные *i* и *u*, как краткие, так и долгие, как конечные, так и срединные, вызывали абсолютно одинаковые изменения гласного предшествующего слога. За этими изменениями последовало падение кратких *i* и *u* в конце слова, после которого уже стало возможным говорить об умлауте. Таким образом, при относительной датировке появления кашмирского умлаута (а также возникновения палатализованных согласных из сочетаний типа «согласный+i») время упомянутых внутриморфемных ассимилятивных процессов можно рассматривать как *terminus post quem*. Датирование же (разумеется, тоже относительное) этих последних также не представляется невозможным.

В данной связи весьма интересно поведение многочисленных в кашмири заимствований из классического персидского, в том числе проникших через посредство последнего арабизмов. В них также обнаруживаются следы регрессивной ассимиляции гласных, а в отдельных примерах – и следы павших «гласных-матра». Иногда имеет место параллельное существование двух или даже трех различных вариантов одного заимствования. Так, кл.-перс. *jādū* ‘чары, колдовство’ может отражаться в кашмири как *jōd*, *jōdū* и *jādū*. Подобные факты могут быть объяснены тем, что в условиях многовекового функционирования персидского в качестве официального и основного литературного языка

Кашмира заимствования могли периодически подвергаться «корректировке», фонетическим изменениям, приближающим их звучание к более престижной персидской норме. Таким образом, есть основания полагать, что и регрессивная ассимиляция гласных, и развитие кашмирского умлаута – явления хронологически более поздние, чем усвоение языком кашмири многих персидских и арабских заимствований. Если время ассимилятивных процессов в вокализме корней является для эпохи появления умлаута *terminus post quem*, то начало влияния классического новоперсидского языка на кашмири можно считать *terminus post quem* для обоих явлений. Интересно отметить, что, как показывают отдельные заимствования, «гласные-матра» могут развиваться не только из кратких *i* и *u*, но и из долгих *ī* и *ū* (ср. *kə z'* ‘судья, кадий’ при кл.-перс. *qāzī* то же < араб., а также приведенное выше отражение кл.-перс. *jādū* ‘чары, колдовство’ в виде *jōd*).

Поскольку историко-фонетические процессы, приведшие к развитию «гласных-матра», привели также к окончательному оформлению фонологической оппозиции согласных по признаку палатализованности, мы имеем все основания утверждать, что эта особенность кашмирского консонантизма возникла в относительно позднюю эпоху – после начала формирования арабско-персидского пласта в лексике кашмири.

Одной из ярких особенностей кашмирской консонантной системы, отличающих ее от консонантных систем большей части дардских языков, является меньшее число аффрикат. Вместо оппозиции трех рядов (дентальных, палатальных и церебральных) в кашмири налицо двучленное противопоставление аффрикат (дентальные vs палатальные). Есть основания полагать, что современная система возникла в результате ряда фонетических изменений из более ранней трехрядной. Примечательно, например, что кашмирскому палатальному придыхательному *čh* обычно соответствует

церебральный $\check{c}h$ во многих близкородственных дардских языках, а на месте палатального придыхательного $\check{c}h$ большинства языков дардской группы в кашмири чаще всего обнаруживается дентальная аффриката ch . Такая система соответствий позволяет утверждать, что в кашмири имело место передвижение, а точнее, продвижение вперед придыхательных аффрикат: старые палатальные перешли в дентальные, старые церебральные – в палатальные. Развитие более ранней глухой непридыхательной и звонкой палатальной аффрикат, было, во многом аналогичным развитию аффрикаты $\check{c}h$: глухой \check{c} подвергся дентализации и перешел в c , звонкая же аффриката j , первоначально, вероятно, также передвинувшись в зубной ряд, впоследствии развилась в звонкий дентальный сибиллянт z .

Тот факт, что старые палатальные аффрикаты передвинулись в кашмири в зубной ряд, заставляет поставить вопрос о происхождении современных кашмирских палатальных аффрикат. Наличие перехода $*\check{c}h > ch$ дает основание предположить в качестве источников современных \check{c} и j (по крайней мере, в части случаев) старые $*\check{c}$ и $*j$ соответственно. Возможность такого развития можно допустить на основании некоторых фактов морфонологии. В языке кашмири имеются продуктивные морфонологические чередования церебральных взрывных и палатальных аффрикат (ср. $hə\check{t}$ ‘щепка (ед.ч.)’ – $ha\check{c}i$ то же (мн.ч.); $bə\check{d}$ ‘большая (ж.р. ед.ч.)’ – $baji$ ‘большие (ж.р. мн.ч.)’; $wə\check{t}h$ ‘толстая (ж.р. ед.ч.)’ – $wə\check{c}hi$ ‘толстые (ж.р. мн.ч.)’). Неясный на первый взгляд историко-фонетический механизм формирования этих чередований проясняется, если предположить, что современной системе хронологически предшествовала система альтернатив церебральных взрывных и церебральных аффрикат ($*t - *\check{c}$, $*d - *j$, $*th - *\check{c}h$). Вероятность того, что именно такая система явилась источником нынешней, представляется весьма высокой, если принять во

внимание наличие в истории кашмири общей тенденции к продвижению аффрикат вперед.

Данная гипотеза, однако, ставит некоторые новые вопросы, в частности, вопрос о статусе аффрикат \check{c} и j в фонологической системе раннего кашмири. Можно предположить, что на определенном историческом этапе они могли представлять собой аллофоны взрывных t и d в позиции перед некоторым гласным. Однако возможен и другой сценарий. Рассматриваемые аффрикаты возникали практически исключительно у существительных и прилагательных женского рода, как правило, продолжающих старые основы с им. пад. ед.ч. на долгий $-ī$. Известно, что в некоторых дардских языках, например, в близком к кашмири шина, данная падежная форма стала функционировать как основа, от которой образуются все прочие формы (ср., например, парадигму существительного ж.р. $\check{a}\check{c}hī$ ‘глаз’: прям. пад. ед.ч. $\check{a}\check{c}hī$, косв. пад. ед.ч. $\check{a}\check{c}hīyē$, прям. пад. мн.ч. $\check{a}\check{c}hīyē$, косв. пад. ед.ч. $\check{a}\check{c}hīyo$). Нельзя исключить, что аналогичная ситуация была характерна и для раннекашмирского состояния. В этом случае перед падежными показателями, всегда имевшими вокалическое начало, долгий $-ī$ должен был с целью избежания нехарактерного для кашмири стечения двух гласных перейти в неслоговой сонант y . Это в свою очередь могло привести к появлению вторичных сочетаний ty и dy , из которых, возможно, и развились глухая и звонкая церебральная аффриката соответственно. Фонологизации церебральных аффрикат \check{c} и j должны были способствовать некоторые изменения в вокализме, вследствие которых стало возможным их появление в одинаковой позиции с церебральными взрывными. Ср., например, такие пары в современном кашмири, как $baḍi$ ‘большой (косв. пад. II ед.ч. м.р.)’ – $baji$ ($j < *j$) ‘большие (им. пад. мн.ч. ж.р.)’, $haṭi$ ‘горло (косв. пад. II ед.ч.)’ – $haṣi$ ($\check{c} < *ṣ$) ‘щепки (им.пад. мн.ч. ж.р.)’. Следует также отметить, что, в

кашмири имели место процессы выравнивания парадигм ряда существительных женского рода, в результате чего в этих парадигмах исчезло чередование взрывных и аффрикат, и все падежные формы стали образовываться от основы на взрывной. В случае если названные изменения произошли раньше передвижения аффрикат, для раннего кашмири, несомненно, следует постулировать самостоятельные фонемы \check{c} и j . В противном случае нельзя исключить, что непридыхательные церебральные аффрикаты были лишь звуками, впоследствии передвинувшимися в палатальный ряд, так и не успев фонологизоваться.

Предпочесть какую-либо одну из этих альтернатив мешает невозможность датирования (даже относительного) вышеуказанных фонетических и морфологических изменений. Можно лишь сказать, что наличие в прошлом в языке кашмири фонологически независимых аффрикат \check{c} и j все же более вероятно, нежели их отсутствие. Исключив их из фонологической системы и одновременно признавая наличие в ней придыхательной церебральной аффрикаты $\check{c}h$, мы тем самым постулируем систему согласных, маловероятную типологически.

Таким образом, представляется весьма вероятным (а для придыхательных аффрикат, доказанным), что в языке кашмири в прошлом существовало противопоставление палатальных и церебральных аффрикат. В результате последующих фонетических изменений на его месте возникла новая оппозиция дентальных и палатальных.

Дентализация палатальных \check{c} , $\check{c}h$, j произошла, несомненно, раньше рассмотренных выше ассимилятивных изменений гласных и развития умлаута, на что указывает наличие примеров этих изменений в словах с палатальными аффрикатами. При этом явные случаи дентализации отмечены в персидских и арабских заимствованиях. Это позволяет датировать

передвижение аффрикат эпохой, более поздней, чем утверждение в Кашмире персидского языка и начало притока в кашмири иранизмов и арабизмов.

Есть основания полагать, что система аффрикат раннего кашмири отличалась от современной не только характером оппозиций, но и числом фонем. Помимо церебрального и палатального в ней, возможно, имелся и зубной ряд. В современном языке в ряде случаев для зубных аффрикат нет необходимости предполагать развитие из более ранних палатальных. К подобного рода случаям относятся в первую очередь *c*, *ch* и *z* (< ***ʒ**), участвующие в морфонологических чередованиях с дентальными взрывными *t*, *th* и *d* (ср. *tot* ‘горячий, теплый (м.р. ед.ч.)’ – *tac* ‘горячая, теплая (ж.р. ед.ч.)’; *k'uth* ‘какой? (м.р. ед.ч.)’ – *kich* ‘какая? (ж.р. ед.ч.)’; *tuhund* ‘ваш (м.р. ед.ч.)’ – *tuhinz* ‘ваша (ж.р. ед.ч.)’). Формы женского рода кашмирских прилагательных (а также причастий и ряда местоимений, изменяющихся по адъективной парадигме), вероятнее всего, восходят к образованиям от общеарийских адъективных основ женского рода на *ī*. Гласные переднего ряда (обычно *ī̃*, *ē̃*) обнаруживаются в соответствующих формах во многих дардских языках. Аффрикатизация взрывных дентальных согласных в позиции перед переднерядными гласными известна во многих языках мира, и ничто не мешает предположить ее также и для кашмири.

Вопрос о механизме возникновения чередования дентальных смычных и аффрикат в кашмири заслуживает специального рассмотрения. Данное чередование сопровождается изменением гласных, совершенно не отличимым от изменения в позиции *i*-умлаута. Наиболее отчетливо это видно на примере склоняемых прилагательных и форм претерита, восходящих к историческим перфектным причастиям (последние называются также квазипричастиями). Ниже мы приводим фрагмент системы характерных для них морфонологических чередований. В таблицу 2 включены формы ж.р.

ед.ч., где большинство конечных согласных претерпевают изменения, частным случаем которых является аффрикатизация зубных смычных. Эти формы сопоставляются с формами м.р. мн.ч., где имело место падение *i*-матры, а также с инфинитивами, где как корневой гласный, так и конечный согласный остаются неизменными.

Таблица 2

Инфинитив	Значение	Квазипричастие м.р. мн.ч	Квазипричастие ж.р. ед.ч
<i>wāṭun</i>	прибывать	<i>wə t̄'</i>	<i>wə c̄</i>
<i>mathun</i>	тереть	<i>məth'</i>	<i>məch</i>
<i>ladun</i>	строить	<i>ləd'</i>	<i>ləz</i>
<i>raṭun</i>	хватать	<i>rət'</i>	<i>rəṭ</i>
<i>krēṭhun</i>	быть жестким	<i>krīṭh'</i>	<i>krīṭh</i>
<i>kaḍun</i>	тянуть	<i>kəḍ'</i>	<i>kəḍ</i>
<i>pakun</i>	идти	<i>pək'</i>	<i>pəç</i>
<i>tagun</i>	быть возможным	<i>təg'</i>	<i>təj</i>
<i>lēkhun</i>	писать	<i>līkh'</i>	<i>līçh</i>
<i>wāḷun</i>	опускать	<i>wə l̄'</i>	<i>wə j̄</i>
<i>mārun</i>	убивать	<i>mə r̄'</i>	<i>mə r̄</i>

<i>cahun</i>	сосать	<i>cəh'</i>	<i>cəš</i>
<i>anun</i>	приносить	<i>ən'</i>	<i>ən'</i>
<i>khasun</i>	подниматься	<i>khəs'</i>	<i>khəs</i>

Из таблицы ясно видны два типа чередований, различающиеся поведением конечного согласного корня, но при этом абсолютно идентичные в том, что касается изменения корневого гласного. Объяснить данную ситуацию не представляется возможным, не ответив на вопрос об исторических конечных гласных, вызвавших вокалические и консонантные изменения в обоих случаях. Эти гласные, несомненно, были разными, иначе мы всегда имели бы для обеих форм квазипричастий одинаковые изменения конечных корневых согласных. По всей видимости, в данном случае следует предположить некие два совершенно разных историко-фонетических процесса, протекавших параллельно и лишь на конечном этапе приведших к частично схожим результатам. Основания для такой гипотезы дает сравнение с данными близкородственных языков, в частности, шина, брокската и пхалура. В языке шина родочисловыми окончаниями прилагательных являются: *-ě*, *-ē* для м.р. мн.ч. и *-ĩ*, *-ī* для ж.р. ед.ч., в брокскат – соответственно *-e* и *-i*, в пхалура *-a* и *-i*. Краткие гласные в шина возникли, по всей видимости, в результате ауслатного сокращения исторических безударных долгих. Такое развитие представляется наиболее вероятным по крайней мере для окончания *-ĩ*, несомненно, продолжающего древнее **-ī*. В брокскат долгие гласные невозможны в конечной позиции. Сокращение, видимо, имело место и в пхалура, о чем свидетельствует отсутствие долгого

варианта окончания ж.р. ед.ч.¹, однако в диалекте сави того же языка следов данного процесса не обнаруживается, и мы имеем окончание $-\bar{e}$ для м.р. мн.ч. и окончание $-\bar{i}$ для ж.р. ед.ч. Тот факт, что для родочисловых показателей в сави нет никаких оснований предполагать какие-либо позднейшие фонетические изменения, позволяет предположить, что этот диалект сохранил более архаичное состояние, нежели собственно пхалура.

Наличие в близкородственных кашмири дардских языках форм прилагательных м.р. мн.ч. на $-\bar{e}$ позволяет предложить вполне правдоподобную схему возникновения современной кашмирской системы родочисловых окончаний, вернее, того ее фрагмента, который воспроизведен в таблице 2. Конечный гласный \bar{e} вполне мог являться прототипом для современной i -матры: последняя может возникать из более старого долгого \bar{i} , а переход $\bar{e} > \bar{i}$ в безударной конечной позиции – явление весьма частое в языках ареала. Именно \bar{e} мог являться тем самым гласным переднего ряда, который, в отличие от \bar{i} не вызывал аффрикатизацию предшествовавшего взрывного. Ни одного примера такой аффрикатизации перед \bar{e} в кашмири не засвидетельствовано. Следовательно, взрывной мог оставаться неизменным в формах м.р. мн.ч. и после перехода в аффрикату в формах ж.р. ед.ч. на $-\bar{i}$. Затем в м.р. мн.ч. должен был иметь место переход $\bar{e} > \bar{i}$, сопровождаемый, по всей видимости, переходом $\bar{i} > i$ в ж.р. ед.ч. Такая гипотеза представляется нам необходимой, поскольку без нее едва ли возможно объяснить бесследное исчезновение более раннего конечного гласного в целом ряде форм ж.р. ед.ч.

Предложенный нами сценарий можно продемонстрировать на примере квазипричастий от глагола *wātun* ‘прибывать’, формы м.р. мн.ч. и ж.р. ед.ч. которых приводятся в таблице 3.

¹ Окончание м.р. мн.ч. $-a$, по всей видимости, заимствовано из парадигмы имен существительных.

Таблица 3

Форма	Этап I	Этап II	Этап III	Этап IV	Этап V	Этап VI
М.р. мн.ч.	<i>wātē</i>	<i>wātē</i>	<i>wātī</i>	<i>wə tī</i>	<i>wə ti</i>	<i>wə t'</i>
Ж.р. ед.ч.	<i>wātī</i>	<i>wācī</i>	<i>wāci</i>	<i>wə ci</i>	<i>wə c</i>	<i>wə c</i>

Привязать приведенные в таблице этапы к каким-либо абсолютным датам представляется затруднительным. Можно лишь утверждать, что поскольку основная часть персидских и арабских заимствований обнаруживает следы регрессивной ассимиляции гласных, начало их проникновения в кашмири, несомненно, предшествовало этапу IV. С другой стороны, оно, вероятнее всего, не предшествовало этапу III. В противном случае по крайней мере часть иранизмов и арабизмов была бы затронута переходом $\bar{i} > i$ в ауслауте, и в современном языке мы имели бы примеры нуля звука, соответствующего конечному \bar{i} в персидском, чего в действительности не обнаруживается. Так как кашмирское передвижение аффрикат было явлением хронологически более поздним, чем начало персидского влияния на кашмири, есть все основания реконструировать для раннекашмирской (т.е. предшествующей передвижению) аффрикатной системы дентальный ряд.

Зубные смычные *t* и *th* в позиции перед павшим некогда передним гласным, по-видимому, не являются единственным возможным источником для зубных аффрикат *c* и *ch* в языке кашмири. Имеются отдельные примеры возникновения этих фонем из древнего сочетания **ts*. Данный факт дает все основания предполагать присутствие обеих фонем в фонологической системе

еще в эпоху, предшествующую дентализации старых палатальных аффрикат. Статус дентальных аффрикат должен был быть именно фонологическим. Если бы они возникали только из дентальных взрывных, существовала бы возможность считать их позиционными вариантами последних в интервокальной позиции перед конечным гласным *i* (ранее *ī*). Однако наличие позиционно необусловленных *c* и *ch* делает их трактовку в качестве независимых фонем единственно возможной.

Во многом аналогичной представляется и ситуация со звонким сибилантом *z*. Он обнаруживается не только на месте более раннего *j* или на месте *d* в позиции перед старым конечным гласным переднего ряда, но в отдельных случаях *z* продолжает *s* после древнего носового. Фонологический статус *z* до передвижения аффрикат представляется неясным. Первоначально этот звукотип, по-видимому, являлся аллофоном *s* в позиции после носового и аллофоном *d* перед передним гласным – рефлексом древнего долгого *ī* в конечной позиции. В эпоху после перехода **j > z* звонкий сибилант может рассматриваться уже только как самостоятельная фонема. Без ответа остается и вопрос о существовании и статусе аффрикаты *ʒ*. Весьма вероятно, что именно она послужила прототипом для *z*, чередующегося с *d*, однако предполагать развитие звонкой дентальной аффрикаты из более раннего *s* вследствие озвончения последнего мы не видим веских оснований. Скорее всего, в раннем кашмири сосуществовали два звукотипа – *ʒ* и *z*. Выяснение их места в фонологической системе пока не представляется возможным.

Таким образом, еще сравнительно недавно кашмирская система аффрикат существенно отличалась от современной. Вероятнее всего, она имела следующий вид:

c *ch* (*z/ʒ*)

č čh j

(č) čh (j)

Такая трехрядная система типологически весьма близка системам аффрикат большинства дардских языков. Интересно отметить, что в некоторых из них (например, в башкарик, пхалура, сави, калаша), так же, как и в кашмири, звуки *z*, *č* и *j* весьма редки, а их фонологический статус подчас представляет проблему.

Историко-фонетические процессы, отчасти аналогичные тем, что затронули систему раннекашмирских аффрикат, были характерны для развития сибилантов. Общедардский и общеиндоиранский *ś (< и.-е. *k') вне консонантных групп отражается в кашмири в виде *h*, в то время как кашм. *š* в большинстве случаев соответствует церебральному *ṣ* в древнеиндийском и во многих дардских языках. Отдельные исключения (примеры соответствия др.-инд. *ṣ* кашм. *h*) частью объясняются специфической позицией старого церебрального сибиланта, частью же могут представлять собой индоарийские заимствования. Данную систему соответствий следует считать результатом передвижения в языке кашмири более раннего церебрального сибиланта в палатальный ряд. Примечательно, что «протокашмирский» *ṣ*, затронутый передвижением, мог развиваться не только из старого *ṣ*, но и из сочетания *śr.

Кашмирское передвижение сибилантов представляется аналогичным кашмирскому передвижению аффрикат в том, что касается развития фонем церебрального ряда. По всей видимости, оба историко-фонетических процесса отражали одну общую тенденцию – тенденцию к децеребрализации старых невзрывных церебральных. Не исключено, что своим возникновением эта тенденция обязана индоарийскому влиянию на язык кашмири. Датировка

передвижения, даже относительная, представляет проблему, хотя некоторые косвенные свидетельства на данный счет может предоставить ареальная типология. Если предположить, что передвижение сибилантов хронологически предшествовало передвижению аффрикат следует признать, что на определенном историческом этапе фонологическая система кашмири должна была характеризоваться наличием церебральных аффрикат при отсутствии церебральных шипящих. Такая система, однако, не засвидетельствована ни в одном из языков ареала. При этом имеются противоположные примеры – системы, в которых церебральный ряд включает сибиланты, но не включает аффрикат (пушту, дравидийские языки, вероятно, древнеиндийский). Данные типологии едва ли можно считать решающими, однако полное их игнорирование их все же представляется неоправданным. Поэтому представляется более вероятным, что передвижение сибилантов либо последовало за передвижением аффрикат, либо произошло одновременно с ним. Это в свою очередь делает возможной датировку переходов $\check{s} > h$ и $\check{s} > \check{s}$ мусульманской эпохой. Как было показано выше, именно этой эпохой следует датировать кашмирское передвижение аффрикат.

В п. 2.5 делаются основные выводы. Они сводятся к следующему: 1) основная часть фонетических изменений, явившихся причиной существенных отличий языка кашмири от других дардских языков в области фонологии, несомненно, носит поздний характер; 2) более раннее состояние кашмирской фонологической системы, предшествующее этим изменениям, может быть успешно реконструировано; 3) эта «протокашмирская» фонология не обнаруживает существенных типологических различий с фонологическими системами большинства языков дардской группы.

В главе 3 делается попытка дать этимологическую характеристику индоарийских элементов в языке кашмири. Данный лексический пласт до сих пор остается слабо изученным, хотя его наличие отмечалось во многих работах, начиная с трудов Дж.Грирсона. Историко-фонетические особенности индоарийских заимствований, а, следовательно, и критерии для их выделения все еще не определены, неясен и язык-источник. Представляется, впрочем, несомненным, что таких языков было несколько. Одним из них был и остается урду – официальный язык штата (а в прошлом – княжества) Джамму и Кашмир. Заимствования из урду в кашмири многочисленны, и их количество продолжает расти, однако вследствие их весьма значительных историко-фонетических отличий от исконной кашмирской лексики выделяются они достаточно легко. Вместе тем, весьма велико и число вероятных индоарийских лексических элементов, не выводимых из урду. Дж.Грирсон считал кашмирско-индоарийские лексические изоглоссы следствием межъязыковых контактов и объяснял их влиянием санскрита, предположительно имевшим место в домусульманскую эпоху. Такое объяснение, однако, неприемлемо: огромное большинство предположительных индоарийских заимствований в кашмири обнаруживает более позднюю по сравнению с древнеиндийским стадию историко-фонетического и семантического развития.

Отсутствие надежных критериев выделения большого числа индоарийских заимствований в кашмири отчасти связано с имевшим место долгое время недостатком знаний об исторической фонетике дардских языков. Недавние исследования, однако, позволили выявить целый ряд историко-фонетических явлений, свидетельствующих о генетическом единстве дардской общности и о невозможности возведения дардских языков к древнеиндийскому, т.е. классификации их как индоарийских. Основную

часть этих явлений можно проследить в кашмири уже при нынешнем уровне знаний. Так, древние звонкие придыхательные, как и повсюду в дардской группе, совпадают здесь со звонкими, причем совпадение затрагивает и рефлексы общеарийских двухфокусных аффрикат **j* и **jh*, отразившихся в кашмири как *z*. Регулярным кашмирским отражением общеарийского краткого дифтонга **ai* перед согласным является краткий *a*. В обоих случаях рефлексация заметно отличается от индоарийской, где звонкая придыхательная серия сохраняется, аффриката **jh* развивается в ларингальный *h*, а дифтонг **ai* стягивается в *e*. В главе 5 будет демонстрироваться также специфическое дардское отражение в кашмири индоевропейского кластера *k's*.

Из вышесказанного следует, что отличительными признаками индийских заимствований, несомненно, можно считать гласный переднего ряда (прежде всего \bar{e} ̃, но возможно также \bar{i} ̃), соответствующий др.-инд. *e* (< общеар. **ai*), и ларингальный *h*, соответствующий др.-инд. *h* и общеиранск. **j*. Примеры обоих названных индоарийских фонетических переходов обнаруживаются в языке кашмири. Число таких примеров, однако, невелико, достаточно мала и их доля в общем массиве вероятных индийских заимствований. Гораздо большее число подобной лексики помогает выявить привлечение более поздних индоарийских данных. Многие фонетические изменения в истории индоарийского были общими или близкими для обширных регионов Северной Индии. Поэтому индийский язык (или языки), оказывавший влияние на кашмири, мог разделять ряд общих историко-фонетических инноваций с индоарийскими языками, распространенными по соседству с Кашмиром. Особый интерес в данном отношении представляют такие историко-фонетические процессы, как развитие древнеиндийских сибилантов и некоторых консонантных групп.

Древнеиндийская система сибилантов, включавшая три фонемы - *s*, *ś* и *ṣ*, в среднеиндийскую эпоху подверглась редукции. В основной массе языков произошло совпадение трех сибилантов в один – *ś* в языках востока Индостана (в частности, в бенгали) и *s* в большинстве остальных индоарийских языков. Исключение составляет цыганский язык и часть языков, традиционно относимых к группе пахари, где трехфонемная система трансформировалась в двухфонемную (*s*, *ś*) вследствие совпадения среднеязычного и церебрального сибиланта. Языки группы пахари, характеризуемые данной особенностью, распространены непосредственно к югу и юго-востоку от кашмирского языкового ареала. Таким образом, индоарийские заимствования могли проникать в кашмири не только из языков с одним исконным сибилантом, но и из языков с двухсибилантной системой.

Выявление заимствований из последних сопряжено с некоторыми трудностями. Не исключено, что часть индоарийских элементов проникла в кашмири до передвижения сибилантов и была затронута им впоследствии. В этом случае в ранних заимствованиях из языков с двухсибилантной системой кашм. *h* будет соответствовать двум древнеиндийским фонемам - *ś* и *ṣ*. Поскольку соответствие кашм. *h* – др.-инд. *ś* характерно не только для заимствований, единственным надежным формальным признаком иноязычного (индоарийского) происхождения того или иного слова следует считать соответствие кашм. *h* – др.-инд. *ṣ*. В случае же если заимствования из языков пахари (или близких к ним) были усвоены после перестройки кашмирской сибилантной системы, их можно будет отличить только по наличию соответствия кашм. *ṣ* – др.-инд. *ś*, поскольку соответствие кашм. *ṣ* – др.-инд. *ṣ* регулярно и для исконной лексики кашмири. Кашмирский материал обнаруживает возможные заимствования с обеими указанными

нерегулярностями. Кроме того, имеются примеры незакономерного соответствия кашм. *h* (вместо ожидаемого *ṣ*) др.-инд. группе *śr*, а также немногочисленные заимствования и из индоарийских языков с одним исконным сибилантом.

Среди консонантных групп, рефлексация которых представляет интерес при выявлении индоарийских элементов в кашмири, следует отметить древнеиндийскую группу *kṣ*. Эта группа, развившаяся из нескольких индоевропейских источников, отражается в более позднем индоарийском главным образом в виде *(k)kh*. В дардских языках, включая кашмири, общеарийские и общеиндоиранские прототипы др.-инд. *kṣ* развиваются совершенно по-иному – в виде глухих аффрикат. Таким образом, еще одним надежным формальным признаком индийского заимствования в кашмири можно считать наличие соответствия кашм. *kh* др.-инд. *kṣ*. Примеры подобного соответствия обнаруживаются в довольно большом количестве.

Слова, характеризуемые названными выше историко-фонетическими особенностями, составляют лишь часть возможных индоарийских заимствований в языке кашмири. Выявлению оставшейся их части препятствует невысокий уровень диахронической изученности средне- и новоиндийской лексики. При этом, однако, можно предложить критерий, позволяющий говорить о высокой вероятности индоарийского происхождения той или иной кашмирской лексемы. Таким критерием является наличие этимологических параллелей индийских языках при отсутствии таковых в дардских. Вероятность заимствования в подобных случаях весьма высока, в то время, как вероятность сохранения общего дардско-индоарийского архаизма низка.

Число гипотетических индийских заимствований в кашмири, предварительно выявленных с применением данного критерия, оказалось весьма значительным. Подобная лексика, как оказалось, обладает рядом историко-фонетических особенностей. Так, отдельные вероятные индоарийские лексемы обнаруживают нерегулярное для кашмири отражение древних групп **rt* и **rd* в виде дентальных *t* и *d* вместо ожидаемых церебральных *t̥* и *d̥* соответственно.

Весьма интересные с точки зрения проблемы выделения индоарийского этимологического пласта результаты дал анализ кашмирских отражений консонантных групп типа «носовой + глухой». Такие кластеры обнаруживают в кашмири две серии рефлексов. К первой относятся рефлексы типа «носовой + звонкий», вторая включает отражения типа «назализация предшествующего гласного + глухой», причем если предшествующим гласным являлся краткий *a*, он переходит в долгий \bar{a} . При сопоставлении примеров на два указанных типа развития обращают на себя внимание позиционно немотивированные различия в исторической фонетике в этимологически тождественных словах (ср. *and* и $\bar{a} \tilde{t}(h)$ ‘конец’ при др.-инд. *anta-* ‘край, конец, предел’; *dand* ‘зуб’ и $d\bar{a} \tilde{t}(h)$ ‘слоновая кость’, ср. др.-инд. *danta-* ‘зуб, бивень, слоновою кость’). Данный факт не оставляет сомнений в том, что в одном из случаев речь идет о заимствовании. Анализ семантики показывает большую вероятность иноязычного происхождения для примеров с сохранившимся глухим. В тех случаях, когда налицо различия в значении, первое слово из пары (т.е. то, в котором обнаруживается озвончение глухого) относится к базисной лексике, а второе (т.е. то, в котором глухой сохраняется и появляется долгий \bar{a}) к культурной. Данное семантическое отличие противопоставляет не только отдельные этимологически родственные слова из двух рядов примеров, но и эти ряды в целом. Слова с озвончением

относятся как к культурной, так и к базисной лексике, а слова без озвончения – практически только к культурной. Это дает все основания полагать, что первый тип звукосоответствий характерен для исконной лексики кашмири, а второй – для заимствований. Источником таких заимствований был, вероятнее всего, некий индоарийский язык. Из 16 выявленных нами примеров сохранения исторического глухого после носового с развитием ə^{\sim} 11 не обнаруживают надежных дардских соответствий, при том что новоиндийские этимологические параллели у подобных примеров всегда имеются.

Поиск языка-донора для примеров с сохранившимися глухими затрудняется тем, что ни в одном известном нам индоарийском языке цепочки типа «*a* + носовой + глухой согласный» не дают рефлексов, идентичных таковым в предполагаемых заимствованиях в кашмири. Следует, однако, отметить, что фонема ə^{\sim} сама по себе, возможно, возникла в результате недавних «внутрикашмирских» историко-фонетических процессов. Ее неназализованный коррелят – гласный ə^{-} развился из двух более ранних источников – долгого \bar{a} в позиции *i*-умлаута и дифтонга *ai*. Как было показано в главе 2, кашмирский умлаут – явление относительно позднее. То же можно сказать и о переходе $\text{ai} > \text{ə}^{-}$, нередком в иранизмах и арабизмах. Логично предположить, что гласный ə^{\sim} появился в результате аналогичных по времени и характеру фонетических изменений, затронувших более ранние назализованные \bar{a}^{\sim} и $\bar{a}i^{\sim}$. Поскольку ни в одном встреченном нами примере кашм. ə^{\sim} позиция *i*-умлаута не обнаруживается, для индоарийских прототипов этих примеров кажется вероятным наличие дифтонга $\bar{a}i^{\sim}$.

Развитие этого дифтонга на месте более ранней последовательности «*a* + носовой» перед глухим согласным, по-видимому, характерно для

некоторых индоарийских языков, распространенных к югу от Кашмира, в частности, для догри. Данное историко-фонетическое развитие, однако, едва ли является исконным. Подобно стандартному панджаби, диалектам лахнда и ряду дардских (включая кашмири) и иранских языков, догри отражает глухой согласный после носового как звонкий. Кроме того, догри – язык с одним исконным сибилантом s , в то время как в некоторых кашмирских примерах развития $\tilde{ə}$ и сохранения глухого обнаруживается соответствие кашм. h др.-инд. \acute{s} , указывающее на источник заимствования, различавший сибиланты s и \acute{s} . Из подобного же языка, вероятно, идут и догрские примеры с нерегулярно сохранившимся др.-инд. \acute{s} . Из индоарийских языков региона двухсибилянтной системой, как уже говорилось, характеризуются только некоторые языки группы пахари. Именно их и можно предположительно считать источниками части заимствованной лексики в кашмири и догри. Примечательно, что в последнем имеются отдельные примеры, характеризующиеся как переходом последовательностей типа « \tilde{a} + носовой» в назализованный дифтонг $a\tilde{i}$, так и переходом др.-инд. $\acute{s} > s$. Это означает, что рассматриваемое историко-фонетическое развитие было характерно для нескольких индоарийских языков западногималайского региона.

Наличие в кашмири примеров $h < \acute{s}$ и $\tilde{ə} < a$ перед носовым в одном и том же слове позволяет свести некоторые выявленные нами историко-фонетические инновации в один пучок и тем самым составить более полное представление о фонетических особенностях одного из индоарийских языков, оказавших влияние на кашмири. Различение рефлексов s и \acute{s} может указывать на наличие в этом языке как двух-, так и трехсибилянтной системы, однако последняя совершенно не характерна для ареала Западных Гималаев. Между тем именно на этот ареал указывает возникновение долгого назализованного гласного $\tilde{ə}$ в кашмирских примерах.

Поэтому следует считать весьма вероятным, что совпадение древнеиндийских сибилантов \acute{s} и $\acute{\zeta}$ в виде \acute{s} и переход последовательностей типа « a + носовой + глухой» в последовательности типа « $a\tilde{i}$ ($> \acute{e}$) + носовой + глухой» характеризовали один и тот же индоарийский язык. При этом можно предположить генетическую близость этого языка к языкам западной подгруппы группы пахари.

Не вполне ясно, характеризовался ли тот же самый язык переходами $rt > t$ и $rd > d$. Особенностью этих переходов в кашмирской лексике индоарийского происхождения является отсутствие компенсаторного удлинения предшествующего гласного в односложных словах. Эта особенность широко распространена в языках группы пахари, и в случае если контактировавший с кашмири индийский язык, сохранявший др.-инд. \acute{s} , действительно относился к этой группе, примеры с рассмотренным нами развитием кластеров типа « r + дентальный» вполне могли быть заимствованы именно из него.

Установленные нами факты ставят некоторые новые вопросы, в частности, вопрос о датировке усвоения языком кашмири индоарийских заимствований и конкретных исторических условиях, в которых это усвоение происходило. О времени кашмирско-индоарийских контактов позволяют судить некоторые факты исторической фонетики. Поскольку сибилант \acute{s} в индийском языке-доноре, продолжающий др.-инд. \acute{s} и $\acute{\zeta}$, может отражаться в кашмири либо как h , либо как $\acute{\zeta}$, процесс заимствования должен был начаться до кашмирского передвижения сибилантов и завершиться после него. Передвижение же сибилантов, возможно, было синхронным передвижению аффрикат, датирующемуся средними веками. Таким образом, по крайней мере, завершающий этап проникновения индоарийских элементов в кашмири следует относить к новоиндийской эпохе. Датировка начального этапа не

представляется возможной, однако едва ли время, отделявшее его от кашмирского передвижения сибилантов, могло исчисляться многими столетиями. Если бы это было так, следовало бы говорить о продолжительном влиянии на кашмири одного и того же живого индийского языка, что плохо согласуется со всем, что мы знаем о языковой ситуации в древнем и средневековом Кашмире. Показательно, что предполагаемые примеры индоарийских заимствований не обнаруживают никаких историко-фонетических или семантических архаизмов, противопоставляющих их родственным новоиндийским формам. При этом они разделяют такие новоиндийские инновации, как падение в именах существительных конечных гласных – остатков древнеиндийской падежной флексии и стяжение ряда среднеиндийских фонемных сочетаний в инлауте, а в ряде случаев также характерное именно для новоиндийских языков развитие семантики.

Таким образом, наиболее вероятными источниками индоарийского влияния на кашмири следует считать, прежде всего, новоиндийские языки западнотималайского региона. Вопрос о причинах этого влияния требует специального обсуждения. Связи кашмирцев с жителями областей к югу и юго-востоку от Кашмирской долины существовали всегда, однако данный факт сам по себе не объясняет существования в языке кашмири мощного индоарийского лексического пласта. Кашмир ограничен с юга труднопреодолимыми горами, по которым в прошлом проходила и политическая граница кашмирского государства. Это, несомненно, сдерживало контакты, и представляется маловероятным, что они могли носить массовый характер, необходимый для интенсивного заимствования лексики.

Кроме того, индоарийские языки Западных Гималаев, будучи бесписьменными, никогда не обладали каким-либо престижем. Несмотря на это, индоарийские элементы в кашмири весьма многочисленны, обнаруживаются в разных областях культурной лексики и попали даже в стословный список. Принимая во внимание вышесказанное, представляется уместным поставить вопрос иначе: не мог ли индоарийский язык, оказавший влияние на кашмири, бытовать в самой Кашмирской долине? Этот язык должен был быть вытесненным более ранней формой кашмири, поскольку ныне в Кашмирской долине новоиндийские языки с выявленными нами историко-фонетическими особенностями не отмечены. Иными словами, мы видим основания для выдвижения гипотезы об индоарийском субстрате в кашмирском языке.

В пользу данной гипотезы свидетельствуют некоторые факты кашмирской топонимики. Для последней характерна малочисленность топонимов с надежными дардскими этимологиями. При этом многие географические названия Кашмирской долины имеют засвидетельствованные в текстах древнеиндийские прототипы, что позволяет думать об их индоарийском происхождении. Некоторые из этих названий обнаруживают следы историко-фонетического развития, свойственного индийским заимствованиям, в частности, совпадения сибилантов \acute{s} и $\acute{\zeta}$ в виде \acute{s} с дальнейшим переходом в h , нехарактерного для кашмири отражения группы $\acute{s}r$ в виде h , возникновения гласного \acute{a} из более раннего a перед сочетанием типа «носовой + глухой».

Влияние индийского субстрата, по всей видимости, не ограничивалось только словарем. Такая особенность кашмирской фонологии, как отсутствие церебральных аффрикат и сибилантов, роднит ее с новоиндийскими фонологическими системами и противопоставляет дардским. Как уже

говорилось, появление данной черты имело место синхронно усвоению индоарийских лексических заимствований. Это прекрасно согласуется с гипотезой о субстрате. С субстратом же, возможно, связаны и некоторые кашмирско-индийские изоглоссы в семантике, как лексической, так и грамматической. К ним относятся, например, использование оппозиции однокоренных существительных по роду для указания на разницу в размере обозначаемых объектов, функционирование падежной формы, продолжающей общеарийский генитив на *-asya*, в качестве датива, развитие у вопросительного местоимения *kus* (м.р.)/*kəs* (ж.р.) 'кто?' дополнительного значения 'который?'. В дардских языках (кроме кашмири) ни одно из данных явлений надежно не засвидетельствовано, что дает основания объяснять их наличие индоарийским влиянием. Это же может быть сказано и относительно ряда глагольных аналитических конструкций (главным образом, с видовыми и модальными значениями), имеющих полные аналоги во многих новоиндийских языках.

Проблема индоарийского субстрата в кашмири, разумеется, выходит за рамки чистой лингвистики и ставит ряд вопросов, касающихся этнической и культурной истории Кашмирской долины. Известно, что в средние века в Кашмире произошли радикальные перемены в различных сферах культуры, результатом которых стало, с одной стороны, стремительное и почти повсеместное распространение ислама, а с другой – значительные изменения в материальной культуре. Этим процессам сопутствовала смена господствовавшего в Кашмире физико-антропологического типа. В исторических источниках имеются указания на существовавшие в ранний мусульманский период тесные связи с Кашмира с областью Сват (ныне на северо-западе Пакистана). Есть основания полагать, что в XIII и первой половине XIV в. Кашмир и Сват были объединены в рамках одного

политического целого в результате монгольских завоеваний. Характерный для долины Свата, острый дефицит земли должен был способствовать массовому переселению ее жителей в Кашмир, частично обезлюдевший в результате походов монголов и предшествовавших им продолжительных междоусобных войн. Значительная по масштабам иммиграция и последующая ассимиляция иммигрантами индоарийского населения Кашмирской долины могла бы удовлетворительно объяснить как упомянутые выше явления культурной и этнической истории, так и вероятные следы индоарийского субстрата в языке кашмири.

В главе 4 рассматривается ряд вопросов кашмирской диалектологии. Особое внимание уделено сравнительно-исторической интерпретации материала четырех идиомов, распространенных непосредственно к югу от Кашмирской долины в округе Джамму – каштавари, погули, сираджи и рамбани. Эти идиомы нередко причисляются исследователями к кашмирским диалектам, но при этом обнаруживают существенные материальные отличия как друг от друга, так и от говоров собственно Кашмира. В подразделах главы мы рассматриваем наиболее важные из проблем, связанных с определением места указанных диалектов внутри арийской языковой общности и их отношений с языком кашмири.

В п. 4.1 делается попытка выяснения генетической характеристики так называемых «смешанных» кашмирских диалектов. Термин «смешанные» применялся Дж.Грирсоном к диалектам сираджи и рамбани. Ученый допускал возможность их отнесения к диалектам как кашмири, так и прилегающих с юга индоарийских языков. Согласно данной точке зрения, сираджи следует считать «смесью» кашмири и некоего языка группы пахари, а рамбани – «смесью» сираджи и догри. В некоторых более поздних исследованиях генетическая принадлежность данных идиомов

рассматривается иначе. Их либо считают диалектами кашмири, подвергшимися сильному индоарийскому влиянию (Д.И.Эдельман), либо относят к группе пахари (П.К.Коуль, Р.Л.Шмидт).

Поиски приемлемого решения проблемы «смешанных» диалектов существенно затрудняет крайний недостаток материала, причем если материал по сираджи при всей его бедности все же может оказаться достаточным для скрупулезного сравнительно-исторического исследования, этого нельзя сказать о рамбани. Последний, однако, обнаруживает несомненную близость к сираджи, и вопрос о генетических отношениях с соседними языками едва ли может решаться для рассматриваемых диалектов по-разному.

Важные выводы относительно места сираджи и рамбани в генетической классификации позволяют сделать факты исторической фонетики. Общеарийский краткий дифтонг **ai*, сохранявшийся в протодардской фонологической системе и развившийся в кашмири в неконечном положении в краткий гласный *a*, как в сираджи, так и в рамбани отразился в той же позиции в виде передних гласных *i* и *ẽ*. Такая рефлексация, несомненно, предполагает стяжение дифтонга, аналогичное древнеиндийскому. Яркой особенностью обоих идиомов, отличающей их от собственно кашмири, является наличие звонкой придыхательной серии. Как позволяет судить доступный языковой материал, звонкие аспираты обычно соответствуют индоарийским, причем несомненных и не обусловленных позицией случаев дезаспирации не отмечено. Сохранение оппозиции двух серий не позволяет относить рабмани и сираджи к дардской группе, а, следовательно, считать их локальными разновидностями кашмири. Показательно при этом, что ни один из рассматриваемых диалектов не обнаруживает каких-либо историко-фонетических расхождений с

индоарийскими языками. Их фонологические системы могут быть выведены из древнеиндийской, что неверно для фонологической системы кашмири и других дардских языков.

Гипотеза о принадлежности сираджи и рамбани к дардской группе не подтверждается и данными морфологии. Единственной морфологической чертой, сближающей эти диалекты с кашмири, является наличие местоименных суффиксов, присоединяемых к глагольным формам. Дж.Гривсон считал эту особенность аргументом в пользу классификации сираджи как кашмирского диалекта. Этот аргумент, однако, невозможно считать показательным, поскольку местоименные суффиксы имеются и в целом ряде новых индоарийских языков.

Лексика сираджи и рамбани содержит как дардские, так и новоиндийские элементы, причем последние преобладают над первыми. Подобная ситуация, несомненно, сложилась вследствие интенсивных межъязыковых контактов. Выявление заимствований, усвоенных в ходе этих контактов, возможно лишь после скрупулезного исследования базисной лексики. Нами была привлечена наиболее часто используемая выборка такой лексики – стословный список М.Сводеша. Лексикостатистические подсчеты проводились только для диалекта сираджи: материал по рамбани чрезвычайно скуден, и большая часть слов его стандартного списка не зафиксирована. Однако, как уже говорилось, генетическая близость рамбани и сираджи едва ли может быть подвергнута сомнению, и результаты, полученные для последнего, можно считать имеющими силу и для первого.

Исследование лексики сираджи в рамках метода лексикостатистики сопряжено с некоторыми специфическими трудностями: проблема выделения заимствований в стословном списке усугубляется неясностью генетической принадлежности языка. Весьма важно, однако, что доля

заимствований в списке Сводеша, как правило, относительно низка. Если при этом учесть весьма значительную разницу в процентах соответствий внутри индийской группы с одной стороны и между новоиндийскими и дардскими языками – с другой, следует признать, что лексикостатистические подсчеты, выполненные даже без выделения заимствований (т.е. при рассмотрении их как схождений с языком-донором), хотя и несколько исказят реальную картину языковой дивергенции, все же покажут достаточно близкое к истинному положение исследуемого языка на родословном древе. Поэтому мы сочли целесообразным проведение лексикостатистического анализа в три этапа. На первом этапе производился предварительный подсчет при не полностью выявленных заимствованиях с целью установления соотношения долей сираджи-дардских и сираджи-индоарийских соответствий. Это соотношение явилось основанием для предварительной гипотезы о генетическом положении сираджи. На втором этапе, исходя из выдвинутой гипотезы, были выявлены вероятные заимствования в стословном списке рассматриваемого диалекта. Наконец, на третьем этапе, были проведены окончательные подсчеты в рамках стандартного лексикостатистического метода.

Цифры, полученные в результате предварительных подсчетов, недвусмысленно указывают на принадлежность сираджи к индоарийским языкам. Средний процент совпадений, вычисленный на основании этих цифр, составляет для сираджи и индоарийских языков 68,6%, для сираджи и дардских – 50,6%. Разрыв в 18%, несомненно, не может объясняться исключительно контактными явлениями, и его следует считать именно отражением определенной генетической характеристики исследуемого идиома. С учетом данного факта, нами были выявлены заимствования в стословном списке сираджи. Наиболее вероятным иноязычное

происхождение считалось для слов, имеющих этимологические параллели в дардских языках, но не имеющей таковых в индоарийских. Общее число опознанных заимствований равнялось девяти. После их выделения были проведены окончательные лексикостатистические подсчеты, результаты которых еще более красноречиво свидетельствуют о принадлежности сираджи к индоарийской группе. Средние доли совпадений, составляют 70,7% для сираджи и индоарийских языков и 48,5% для сираджи и дардских. Ввиду несомненной генетической близости сираджи и рамбани, отнесение к индоарийским языкам следует считать правомерным и для последнего.

В п. 4.2 рассматривается вопрос о генетических отношениях кашмири и диалектов погули и каштавари, распространенных долинах Погул, Паристан и Каштавар к югу и юго-востоку от Кашмирской долины. Оба идиома обнаруживают значительную материальную близость к стандартному кашмири, но при этом подверглись сильному влиянию соседних индоарийских языков. Это привело к появлению ряда «темных мест» в исторической фонетике, связанных с неясностью критериев разграничения исконной и заимствованной лексики.

Подобно сираджи и рамбани, диалекты погули и каштавари различают звонкие и звонкие придыхательные согласные. Попытка выяснить происхождение последних делается в п. 4.2.1. Этимологический анализ лексем, содержащих звонкие аспираты, показал, что большинство их обнаруживает соответствия с тождественной семантикой в новоиндийских языках, но, как правило, не имеет таковых в языках дардской группы, не подвергшихся индоарийскому влиянию. Вероятность иноязычного (индоарийского) происхождения для таких слов, несомненно, высока. Для некоторого числа примеров с фонемами звонкой придыхательной серии есть основания предположить контаминацию дардского слова с индоарийским и

появление придыхания в первом под влиянием последнего. Ни одного сколько-нибудь надежного примера сохранения древнего звонкого придыхательного в исконном слове найти не удалось. При этом в обоих диалектах имеется значительное количество примеров дезаспирации, не объяснимой ни заимствованием, ни особой позицией в слове. Показательно наличие среди подобных примеров мало заимствуемых лексических единиц (слов стословного списка), а также слов, лишенных этимологических параллелей в стандартном кашмири.

Все, сказанное выше, дает основания полагать, что в погули и каштавари имело место совпадение звонкой придыхательной серии со звонкой, а современные звонкие аспираты возникли вторично вследствие индоарийского влияния. Детали процесса утраты придыхания иногда остаются невыясненными. Более или менее очевидной представляется ситуация в погули, где дезаспирация обнаруживается в различных позициях в слове, и, таким образом, не может быть связана с фонетическим окружением. Ситуация в каштавари не вполне ясна из-за недостатка данных. Случаи дезаспирации были здесь отмечены нами только в срединной позиции. Поэтому если для погули совпадение двух древних серий и вторичный характер современных звонких аспират представляется доказанным, то для каштавари такая картина может быть принята в качестве наиболее вероятной гипотезы, требующей дальнейшей проверки.

В п. 4.2.2 рассматривается развитие сибилантов и аффрикат в диалекте погули. Дж.Грирсон предположил наличие в этом диалекте случаев сохранения древнего сибиланта \acute{s} , перешедшего в стандартном кашмири в ларингальный h . Более детальный анализ материала, однако, позволил выявить ряд несомненных примеров развития $*\acute{s} > h$. Данный переход не

может быть объяснен позицией в слове, невероятным представляется и заимствование из стандартного кашмири.

С другой стороны, ни один из предполагаемых случаев сохранения старого сибиланта нельзя считать надежным. В части их современный ξ , соответствующий др.-инд. \acute{s} , возник вторично в результате поздних процессов (метатезы, изменения по аналогии), для другой же части предложенные Дж.Грирсоном этимологии представляются крайне спорными. Поэтому говорить о большей архаичности сибилантной системы погули по сравнению с кашмирской нет оснований.

Развитие в погули более старых аффрикат, по-видимому, совпадает с кашмирским, то есть имеет место передвижение среднеязычных в зубной ряд и церебральных – в среднеязычный. Вместе с тем аффриката \check{s} в ряде случаев возникает в результате не характерного для стандартного кашмири развития древней группы $*tr$. Поскольку современный палатальный \check{s} может возникать из более старого церебрального \check{s} , можно предположить наличие в раннем погули перехода $tr > \check{s}$. Аналогичное явление присуще ряду других дардских языков: шина и части кохистанских.

В главе 5 рассматривается вопрос о генетическом положении языка кашмири внутри дардской группы. Данный вопрос был впервые поставлен еще Дж.Грирсоном, предположившим существование восточnodардской языковой общности в составе кашмири, шина и ряда языков, часто объединяемых под названием «кохистанские» (башкарик, торвали, майян, говро, чилиссо). Он же указал ряд общих изоглосс, характерных для всех перечисленных языков, однако происхождение этих изоглосс и их показательность для генетической классификации неясны. Как классификация Дж.Грирсона, так и классификационные схемы, предлагавшиеся другими исследователями, были в немалой степени

интуитивными и не опирались на строгие сравнительно-исторические критерии. Критический обзор этих схем дается нами в п. 5.1.

Дж.Грирсон выделял внутри дардской группы три подгруппы: кафирскую (включавшую языки пашаи, гавар-бати, тирахи и калаша, а также четыре языка, ныне объединяемых в нуристанскую ветвь арийских языков – кати, вайгали, ашкун и прасун), центральную (представленную языком кховар) и восточnodардскую (см. выше). Классификация, альтернативная грирсоновской, была предложена Георгом Моргеншьерне. Согласно ей, дардские языки делятся на 6 подгрупп: центральскую (кховар, калаша), кунарскую (гавар-бати, шумашти, глангали, нингалами и дамели), пашаи, кохистанскую (башкарик, торвали, майян, катаркалаи (вотапури) и тирахи), шина (диалекты языка шина и язык пхалура с диалектом сави) и кашмирскую (кашмири, включая диалекты, распространенные за пределами Кашмирской долины). Впоследствии в эту классификацию были внесены незначительные изменения: языки тирахи и катаркалаи были выведены из числа кохистанских и выделены в самостоятельные ветви, а язык дамели включен в кохистанскую подгруппу.

Данные классификации различаются не только набором подгрупп, но и их статусом. Убедительно показав самостоятельность нуристанских («кафирских») языков, Г.Моргеншьерне отнес остальные языки, ранее включавшиеся в дардскую группу, к индоарийским. При этом утверждалось, что внутри индоарийской группы дардские языки не образуют генетически единой подветви. Новейшие исследования, однако, показали, что вопреки данной точке зрения дардская общность, несомненно, носит генетический характер, а ее обособление следует относить ко времени распада индоиранского единства.

Вопрос о правомерности постулирования восточнодардской языковой общности по-разному решался Дж.Грирсоном и Г.Моргенштерне, причем открытой полемики по данной проблеме не велось. По-видимому, единственная попытка взглянуть на нее с точки зрения исторической фонетики была сделана Георгом Буддрусом. Признавая существование восточнодардской общности, он называет три гипотетические общевосточнодардские историко-фонетические инновации: переходы $*w > b$, $*st > t(h)$ и $*s̥t > t̥(h)$. Следует сказать, что в полной мере точка зрения Г.Буддруса принята быть не может. Развитие $*w > b$ не характерно для кашмири и, таким образом, не может считаться общевосточнодардским. Не является классифицирующим и переход $*s̥t > t̥(h)$, не имевший место в шина и пхалура. Развитие же древней группы $*st$ действительно, может считаться общим для всех восточнодардских языков, причем непосредственным ее отражением, вероятнее всего, была гемината $*tth$. Данное развитие характерно для древней интервокальной позиции. Важно, однако, отметить, что интервокальный переход $*st > tth$ широко распространен в индоарийских языках, где отмечается уже в среднеиндийскую эпоху. Если учесть, что вплоть до XIV-XVI в. дардский языковой ареал непосредственно граничил с индоарийским как раз в зоне распространения языков предполагаемой восточнодардской общности, нельзя не признать, что рассматриваемая изоглосса может иметь ареальный, а не генетический характер. Аналогичная картина наблюдается и на лексическом уровне. Во всех восточнодардских языках обнаруживается ряд лексических изоглосс, не характерных для большинства прочих языков дардской группы, но затрагивающих индоарийские языки. Все это заставляет нас поставить вопрос о восточнодардском генетическом единстве в более точной формулировке: являются ли восточнодардские языки генетической общностью или же они

представляют собой ареальное объединение дардских языков разных подгрупп, вторично сблизившихся не в последнюю очередь благодаря совместным контактам с индоарийскими языками?

Прояснить данную ситуацию помогло привлечение большего, чем в более ранних работах, числа историко-фонетических и лексических фактов, чему посвящены п. 5.2 и 5.3 соответственно.

В п. 5.2 нами постулируются 3 историко-фонетические изоглоссы, для которых есть все основания предполагать общевосточнодардский статус: переход древней консонантной группы *śr во всех позициях в церебральный *ʂ* или его регулярные рефлексy (например, кашм. *ṣ*), озвончение более ранних глухих и ассимиляция звонких в позиции после носового, церебрализация общедардской палатальной аффрикаты *čh* (< и.-е. *k's) всюду кроме древней интервокальной позиции перед последним кратким гласным в слове. В других языках дардской группы данные историко-фонетические изменения либо не встречаются вовсе, либо отмечаются только в части позиций, для которых они характерны в восточнодардских языках.

Выявленные нами фонетические изменения вместе с переходом интервокального *st > tth образуют пучок из 4 изоглосс, объединяющих все традиционно выделяемые восточнодардские языки и при этом противопоставляющих их остальным дардским языкам. Само наличие таких изоглосс, заставляет признать существование восточнодардской генетической общности весьма вероятным. Показательно, что хотя некоторые из названных выше переходов встречаются и в ряде языков, не входящих в дардскую группу (индоарийских, нуристанских, восточноиранских), ни один язык, не относящийся к восточнодардским, не разделяет всего пучка целиком. При этом такая особенность, как церебрализация палатального *čh* характерна исключительно для

восточнодардских языков. Этот факт полностью исключает возможность возникновения всего постулируемого нами пучка инноваций вследствие внешнего влияния.

В п. 5.3 проблема восточнодардского единства рассматривается с точки зрения лексикостатистики. Нами делается попытка построения генетической классификации 16 дардских языков и диалектов с опорой на лексикостатистические данные. Полные стословные списки приводятся в отдельном приложении к диссертации с указанием общих этимологий и выявленных заимствований. Первичная обработка данных производилась в компьютерной системе Starling, для каждой пары идиомов подсчитывалась доля общей лексики в их основных списках без учета заимствований.

Доли совпадения в стословных списках являются исходными данными для построения родословного древа. В настоящее время данная процедура чаще всего осуществляется с применением метода «ближайших соседей». В основе этого метода лежит эмпирическое утверждение, согласно которому чем больше общей лексики в основных списках сравниваемых языков, тем позже эти языки разделились. Идиомы с наибольшей долей совпадений считаются ближайшими родственниками («соседями») и объединяются в общий узел древа. Классификация дардских языков, полученная в результате применения метода «ближайших соседей», представлена на рис. 1

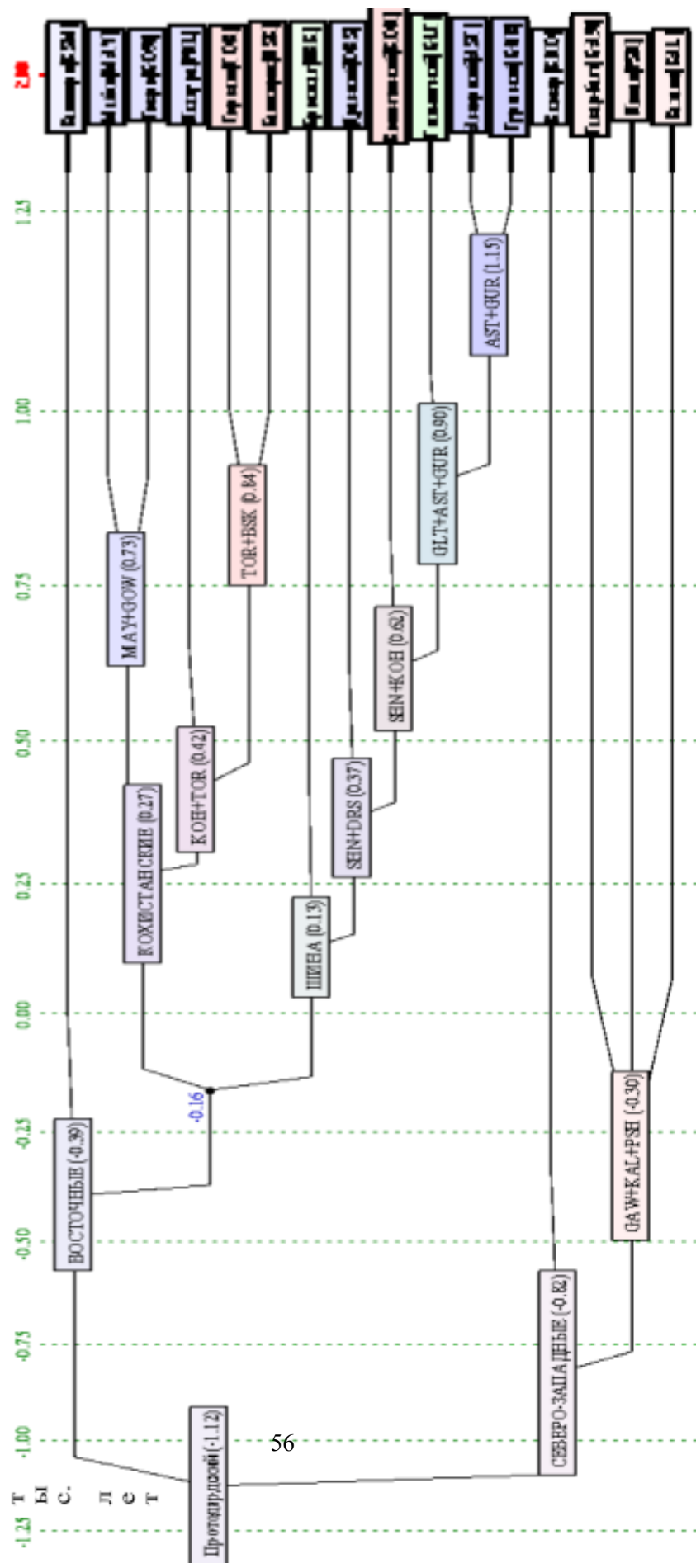


Рис. 1. Метод «ближайших соседей», в которых указаны расчетные разделения языков

Альтернативный метод обработки результатов лексикостатистических подсчетов был предложен М.Е.Васильевым и назван методом наименьших средних отклонений. Его основное преимущество состоит в том, что он использует статистические данные и позволяет численно оценить надежность полученной классификации. В рамках данной методики критерием генетической близости двух языков является степень различимости их основных списков по отношению к основному списку каждого из других классифицируемых идиомов. Если степень различимости (отклонение) является наименьшей, это может объясняться только наибольшей близостью языков вследствие наиболее позднего разделения.

Родословное древо дардских языков, полученное методом наименьших средних отклонений, показано на рис. 2.

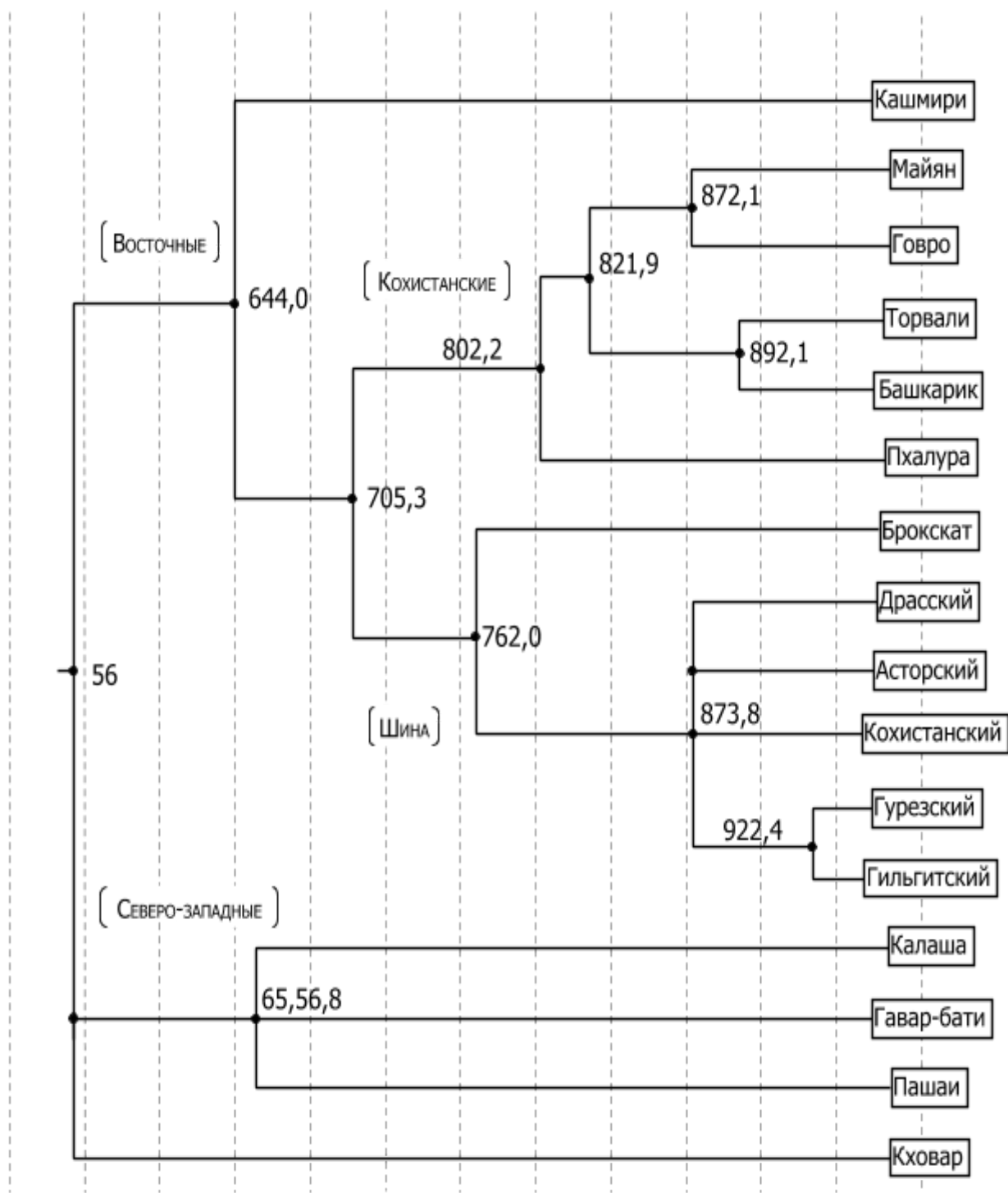


Рис. 2. Родословное древо дардских языков,
 построенное методом наименьших средних отклонений.

У каждого узла приводится доля совпадения основных списков и среднее отклонение в %.

Оба приведенных дерева обнаруживают значительное сходство в иерархии и составе основных таксонов. При любом способе классификации можно говорить о выделении трех обособленных ветвей: восточной (кашмири, кохистанские+шина), северо-западной (калаша, гавар-бати, пашай) и, возможно, ветви кховар, – при этом группировка идиомов внутри каждой из них также во многом идентична. Таким образом, восточнотардская гипотеза получает еще одно подтверждение.

Внутреннее членение восточнотардской языковой общности в обеих классификациях отличается от предполагавшегося Дж.Грирсоном. Постулированная этим ученым особая близость языков кашмири и шина не подтверждается лексикостатистическими данными. Наиболее высокий процент совпадений с диалектами шина (70%) обнаруживает кохистанская подгруппа, в то время как кашмири выделяется в отдельную подветвь. В то же время, среднее отклонение доли шина-кохистанских сходжений является чрезмерно высоким (5,3 значения), что дает основания усомниться в наличии шина-кохистанской языковой общности.

Обращает на себя внимание определенная лексическая близость языков кохистанской подгруппы с кашмири. С языками торвали и говро кашмири показывает 67% совпадений, с языками майян и башкарлик – 68%, что на 3-4% больше средней восточнотардской доли сходжений и на 5-6% больше доли сходжений между кашмири и диалектами шина. Причиной такого относительно небольшого превышения могут быть языковые контакты, однако это не делает приведенные цифры менее интересными. Кохистанский языковой ареал в настоящее время довольно далеко отстоит от Кашмира географически. Данные лексикостатистики показывают, что в прошлом положение было иным. Кашмири и кохистанские языки должны были

непосредственно соседствовать друг с другом, причем вне зависимости от того, объясняется ли кашмирско-кохистанская лексическая близость тесным родством (что означает наличие общей прародины) или языковыми контактами.

Показательно также, что, несмотря на географическую близость современных ареалов распространения кашмири и шина, доли совпадения между их основными списками относительно невысоки. Наиболее вероятным объяснением такого положения вещей представляются массовые миграции. В главе 3 мы предположили, что носители дардского языка – предка кашмири могли мигрировать в Кашмирскую долину из долины р. Сват. Эта область находится в непосредственном соседстве с Кохистаном, однако не граничит с ареалом шина. Естественно предположить, что до переселения в Кашмир предки современных кашмирцев не контактировали с носителями шина, но находились в тесном контакте с предками кохистанцев, с чем и может быть связан «подскок» в долях совпадений.

В **Заключении** кратко формулируются основные выводы каждой из глав диссертационного исследования. Указывается, что установленные в диссертации факты могут послужить стимулом для дальнейших изысканий в области кашмирской диахронии, а также окажутся весьма полезными при проведении междисциплинарных исследований с участием историков и этнологов.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Монографии:

1. Коган, А.И. Проблемы сравнительно-исторического изучения языка кашмири / А.И. Коган. – М.: Языки славянской культуры. Фонд

«Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2016. – 208 с.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

2. Коган, А.И. Once more on the language of the documents from Niya (East Turkestan) and its genetic position / А.И. Коган // Вестник РГГУ. Серия: Филология. Вопросы языкового родства. – 2017. – №3-4. – С. 228-237.
3. Коган, А.И. Международная конференция «Язык Общество. История науки. К 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Алпатова / А.И. Коган // Вопросы языкознания. – 2016. – №2. – С. 148-152.
4. Коган, А.И. Genealogical classification of New Indo-Aryan languages and lexicostatistics / А.И. Коган // Вестник РГГУ. Серия: Филология. Вопросы языкового родства. – 2016. – №3-4. – С. 227-258.
5. Коган, А.И. Дардские языки и пятидесятисловная лексикостатистика / А.И. Коган // Вестник РГГУ. Серия: Филология. Вопросы языкового родства. – 2015. – №4. – С. 355-370.
6. Коган, А.И. Некоторые вопросы генетической классификации дардских языков по данным исторической фонетики / А.И. Коган // Вестник РГГУ. Серия: Филология. Вопросы языкового родства. – 2015. – №1-2. – С. 1-21.
7. Коган, А.И. Кашмир и его соседи в XII-XIII веках / А.И. Коган // Восток. – 2014. – №4. – С. 37-47.
8. Коган, А.И. К вопросу о восточнотуркестанской языковой общности / А.И. Коган, М.Е. Васильев // Вестник РГГУ. Серия: Филология. Вопросы языкового родства. – 2013. – №10. – С. 149-178.

9. Коган, А.И. Некоторые проблемы кашмирской диалектологии / А.И. Коган // Вестник РГГУ. Серия: Филология. Вопросы языкового родства. – 2012. – №7. – С. 47-70.
10. Коган, А.И. К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири / А.И. Коган // Вестник РГГУ. Серия: Филология. Вопросы языкового родства. – 2011. – №5. – С. 23-47.
11. Коган, А.И. К вопросу о языке несанскритских фрагментов памятника Mahānauparakaśa. Ранний кашмири или поздний апабхранша? / А.И. Коган // Вестник РГГУ. Серия: Филология. Вопросы языкового родства. – 2010. – №3. – С. 13-21.
12. Коган, А.И. Перспективы исследования этнической истории Кашмира / А.И. Коган // Восток. – 2009. – №3. – С. 115-124.
13. Коган, А.И. Н. van Skyhawk. Burushaski-Texte aus Hispar (Materialien zum Verständnis einer archaischen Bergkultur in Nordpakistan) [рецензия] / А.И. Коган, Д.И. Эдельман // Вопросы языкознания. – 2004. – №1. – С. 151-155.
14. Коган, А.И. Торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения выдающегося лингвиста Георгия Петровича Сердюченко (1904-1965) / А.И. Коган // Восток. – 2004. – №5. – С. 170-171.

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в базу данных Scopus:

15. Коган, А.И. Ответ на статью А.С. Крыловой «Лексикостатистика новоиндоарийских языков: взгляд полевого лингвиста» / А.И. Коган // Вопросы языкового родства. – 2018. – №1-2. – С. 73–78. Индекс: 2-s2.0-85061816455.
16. Коган, А.И. О языке поэмы Vanāsarakathā (XV в.) и его отношении к языку кашмири / А.И. Коган // Вопросы языкового родства. – 2018. – №3-4. – С. 294–304. Индекс: 2-s2.0-85061772407.

Статьи, опубликованные в других научных журналах, сборниках и энциклопедиях:

17. Kogan, A.I. Book Review. Henrik Liljegren. A grammar of Palula (Studies in Diversity Linguistics 8). Berlin: Language Science Press, 2016, xxiv, 463 pp / A.I. Kogan // Journal of South Asian Languages and Linguistics. – 2017. – №4(2). – Pp. 343-349.
18. Коган, А.И. Новый «Обзор языков Индии» и новые данные о языковом составе населения индийского штата Джамму и Кашмир / А.И. Коган // Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Алпатова. Тезисы докладов международной научной конференции 22-23 апреля 2015 г. / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 55-57.
19. Коган, А.И. Некоторые проблемы истории Кашмирского султаната (окончание) / А.И. Коган // История и современность. – 2015. – №1. – С. 81-98.
20. Коган, А.И. Некоторые проблемы истории Кашмирского султаната / А.И. Коган // История и современность. – 2014. – №1. – С. 87-108.
21. Kogan, A.I. Once More on the So-called «Mixed Kashmiri Dialects»/ A.I. Kogan // ICOSAL-10. The Tenth International Conference on South Asian Languages and Literatures Moscow, July 5-7, 2012. Abstracts of papers. Edited by Liudmila Khokhlova and Sergei Serebriany. – Moscow, 2012. – P. 46.
22. Коган, А.И. Дарды и страна дардов в «Раджатарангини» Кальханы / А.И. Коган // Индия-Тибет: текст и феномены культуры: Рериховские чтения 2006-2010 в Институте востоковедения РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 107-115.

23. Коган, А.И. Еще раз о монгольских завоеваниях и монгольском владычестве в Кашмире / А.И. Коган // История и современность. – 2012. – №1. – С. 90-110.
24. Коган, А.И. Еще раз о монгольских завоеваниях и монгольском владычестве в Кашмире (окончание) / А.И. Коган // История и современность. – 2012. – №2. – С. 75-92.
25. Коган, А.И. О некоторых проблемах сравнительно-исторического изучения языка кашмири / А.И. Коган // Лексика, этимология, языковые контакты. К юбилею доктора филологических наук, профессора Джой Иосифовны Эдельман. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – С. 183-195.
26. Коган, А.И. О статусе языка кашмири в индийском штате Джамму и Кашмир / А.И. Коган // Миноритарные языки Евразии. Проблемы языковых контактов. – М.: Тезаурус, 2009. – С. 70-78.
27. Коган, А.И. К вопросу о ряде фонетических изменений в языке кашмири и их относительной датировке / А.И. Коган // Аспекты компаративистики 4. *Orientalia et Classica*. – М., РГГУ: 2009. – С. 25-54.
28. Коган, А.И. Кашмири / А.И. Коган // Кравец С. Л. (гл. ред.). Большая Российская Энциклопедия. – Т.13. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2009. – С. 411.
29. Коган, А.И. «Белые пятна» этнических процессов в Кашмире / А.И. Коган // История и современность. – 2008. – №1. – С. 99-113.
30. Коган, А.И. О статусе и происхождении звонкой придыхательной серии в ряде дардских языков / А.И. Коган // *Indologica*. Памяти Т.Я.Елизаренковой. *Orientalia et Classica*. Вып. XX. – М.: РГГУ, 2008. – С. 197-226.

31. Коган, А.И. К вопросу о современной языковой ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир и статусе языка кашмири / А.И. Коган // Миноритарные языки Евразии в условиях регионализации и глобализации. Материалы Круглого стола. – М. 2008. – С. 52-59.
32. Коган, А.И. О перестройке системы аффрикат в языке кашмири и ее относительной датировке / А.И. Коган // Востоковедные чтения 2008. Тезисы докладов научной конференции 8-10 октября 2008 г. – М.: ИВ РАН, 2008. – С. 14.
33. Коган, А.И. Отношения дардских и индоарийских языков: тесное родство или языковой союз / А.И. Коган // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Тезисы докладов международной научной конференции. – М., 2003. – С. 97-99.
34. Kogan, A.I. Indo-European Gutturals in Dardic / A.I. Kogan // International Conference on South-Asian Literatures and Languages. ICON-SALILA (ICOSAL 5). – М., 2003. – P. 22-24.
35. Коган, А.И. О рефлексии некоторых индоевропейских консонантных групп с начальными гуттуральными в дардских языках / А.И. Коган // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. – М., 2000. – С. 65-88.